Персидские мотивы

В. БЕЛОУСОВ

ПРОЧТИ ТОВАРИЩ!

Я спросил сегодня у менялы
Что дает за пол тушака по рублю
Как сказать мне для прекрасной лалы
По персидски нежное „Люблю"?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра тише Ванских струй
Как назвать мне для прекрасной лалы
Слово ласковое „поцелуй"?

И еще спросил я у менялы
В сердце робость глубже притая
Как сказать мне для прекрасной лалы
Как сказать ей что она „моя"?

И ответил мне меняла кратко
О любви в словах не говорят
О любви вздыхают лишь украдкой
Да глаза как яхонты горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах
Красной розой поцелуи веют
Лепестками тая на губах

От любви не требуют поруки
С нею знают радость и беду -
„Ты моя" сказать лишь могут руки
Что срывали чорную чадру

С. Есенин

24.

В. БЕЛОУСОВ

Персидские мотивы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1968

8Р2
Б43

В книге рассказывается о мотивах, побудивших Сергея Есенина написать цикл стихов «Персидские мотивы», о встречах поэта с армянской учительницей Шагачэ Тертерян и о том, как она стала героиней персидского цикла.

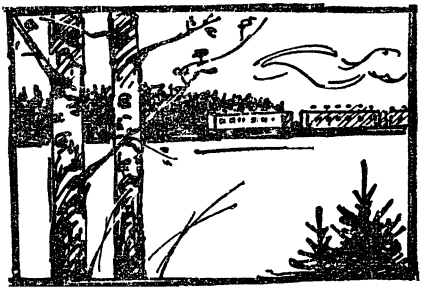
Читатель пройдет по следам поэта всюду, где создавался этот цикл.

Автор уже знаком читателям по многочисленным газетным и журнальным публикациям и книге «Сергей Есенин», выпущенной издательством «Знание» в 1965 году.

7-2-3
26—67

Оформление художника Ю. И. Курышева

МЕЧТА ПОЭТА



В ПУТИ

В первых числах декабря 1924 года в спальный вагон поезда, отправлявшегося из Тифлиса в Батум, втащили свой багаж трое молодых людей. Едва они успели занять места, как поезд тронулся. Провожающие дружно замахали руками и тут же уплыли за рамку оконного экрана. Пассажиры были рады, что не опоздали и что избежали тех длинных предотъездных минут, когда все уже переговорено на перроне и все-таки, чтобы занять время, нужно вновь и вновь посылать друзьям прощальные приветы, улыбаться, делать неопределенные жесты, повторять еще и еще раз уже сказанное раньше.

Четвертое место в купе оказалось свободным, и молодые люди, довольные тем, что едут одни, церемонно раскланялись с пустой полкой и поочередно представились: Сергей Есенин, Николай Вержбицкий, Константин Соколов.

...Сергей Есенин приехал на Кавказ три месяца назад. Здесь

он написал много поэм и стихотворений, их почти ежедневно печатали центральные газеты Баку и Тифлиса.

Николай Константинович Вержбицкий, профессиональный журналист, был сотрудником тифлисской газеты «Заря Востока».

Третий попутчик, Константин Алексеевич Соколов, ленинградский художник, приехал в Грузию писать пейзажи. Дохода от картин не было, и он, чтобы добывать средства к жизни, работал ретушером в редакции газеты «Заря Востока».

Тускло желтевшая лампочка по мере того, как поезд набирал скорость, разгоралась все ярче, и в купе стало светло. Соколов и Вержбицкий принялись обсуждать материал, опубликованный в последнем номере «их» газеты, а Есенин лег на нижнюю полку, накрылся одеялом и, закинув руки за голову, задумался. И отчего это его тянет путешествовать? В Батум отправился, чтобы оттуда выехать в Турцию. Какие это притягательные слова: Босфор... Константинополь... Так же его влекло в Италию, Францию, Германию, Америку. А приехал — не знал, куда деться. Музеи да памятники. Изадора гида нанимает, а он бежит, чтобы посидеть в кабачке с матросами, послушать их песни. Море, сколько о нем говорили! Оно было лазурное, нежное и тут, у самых ног, а мысли оставались в Москве. Помнит только, что было жарко и скучно.

И все-таки, почему бы Турции не стать воротами в Персию.

Поездка на Ближний Восток была давним желанием Есенина. Сколько раз пытался побывать он на родине классической лирики.

У-бе-жали... У-бе-жали... — весело выстукивают колеса. Сквозь полузакрытые ресницы Есенин посмотрел на друзей. Они уже укладываются спать.

Нужно работать. Писать! Тем новых сколько! Работается отлично. И все-таки спешить не следует. Нужно строже относиться к форме. Начали поговаривать, что он неизвестно когда работает. Ведь как другие? Сядут и пишут: строчку написал, вымарал, новую написал. Так и он поступал. Но для этого нужно быть одному. А возле него всегда люди. Любопытствуют, мешают. И без людей он не может. Скучно, тошно одному. Работать над стихом стал без бумаги. Постепенно привык. Записывать стал лишь готовый отра-

ботанный текст. Продолжали сыпаться вопросы: когда работает? Отвечал: всегда. Не верят. «Тебе просто легко дается». Легко! Где уж тут. Память выручает: надо ведь держать в голове все варианты, слова вычеркнутые, слова, вписанные вновь, не забывать их, пока не отшлифуется весь текст окончательно. Потом он этот текст читает, вслушивается в него и опять правит, правит... А затем уже — в печать.

Странная судьба у славы. Вот взять хотя бы персидских поэтов. Хафиз из Шираза, рассказывают, получил лишь начальное образование, с детства был отдан в услужение чужим людям, ласки не видел. И газели Хафиза записали лишь после его смерти. А вот живут они пять веков. Подумать только! А предшественник его, Саади из того же Шираза, в пятидесятилетнем возрасте написал две книги: «Бустан» и «Гулистан». Чтят их люди почти семь веков и дальше, поди, не забудут.

Хайям из Хоросана жил еще раньше, более восьми веков назад. Этого поэта считают популярнейшим из всех персидских лириков. Действительно, какие изумительные стихи! Сколько чувства! Его поэзия бессмертна.

А ведь переводы, как правило, не передают обаяния подлинника. Делали же переводы с самых различных его, Есенина, стихов за границей. Убого, говорят, получалось. Лучшими были переводы Франца Элленса и Марии Милославской во Франции. Перевод может делать лишь большой поэт, знающий родной язык и жизнь автора, историю его родины и многое другое. Как, должно быть, хороши персидские классики в подлиннике! Говорят, воспроизвести точную форму газели вообще нельзя...

МЕККА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ

Шесть веков насчитывает история славы персидско-таджикской классической поэзии. О многих великих поэтах повествуют ее страницы. Однако творчество их долгое время было известно только восточному читателю.

Лишь через пять веков — на рубеже XX века — классическая поэзия средневековой Персии получает широкое распространение в Европе и в России в частности. Достоянием человечества становится творчество Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Низами, Руми, Саади, Хафиза и Джами.

Рубаи — четверостишие — Хайяма (Гияс ад-Дин Омар ибн Ибрахим Хайям, 1040—1123) было открыто европейскому читателю поэтом Эдвардом Фитцджеральдом. В 1859 году были опубликованы первые семьдесят пять четверостиший, которые он перевел на английский язык с персидского. В последующее время стихи Хайяма издавались на европейских языках много раз. Теперь известно свыше тысячи четверостиший, приписываемых Хайяму. На русском языке рубайят Хайяма были впервые опубликованы в 1894 году: вольный перевод 18 четверостиший поэта поместил в своем втором сборнике стихотворений В. Л. Величко. Затем, в 1901 году, опубликовал 10 стихотворений, содержащих одно или ряд четверостиший Хайяма, С. Уманец, впервые осуществивший перевод их на русский язык с персидского подлинника. В 1911 году перевел с персидского и опубликовал 11 четверостиший Хайяма И. П. Умов, ученик А. Е. Крымского, профессора Лазаревского института восточных языков. Через пять лет после этого вышел в свет сборник «Персидские лирики», где были помещены уже 19 четверостиший Хайяма в переводах И. П. Умова. И, наконец, в 1922 году О. Румер сделал стихотворный перевод с английского на русский язык книги Э. Фитцджеральда, содержащей 101 рубайят Хайяма.

Творчество Саади (Муслих ад-Дин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушариф Саади Ширази, 1203—1292) и Хафиза (Шамс ад-Дин Мухаммад Ширази, 1325—1389) стало известно русскому читателю частично в 1882 году, затем полнее в 1916 году.

Поэзией народов Ближнего Востока интересовались крупнейшие поэты XIX века. В 1819 году Иоганн Вольфганг Гёте издал поэтический цикл «Западно-Восточный Диван», подготовленный им после выхода в свет полного перевода «Дивана» Хафиза на немецкий язык, выполненного Хаммером. После этого Хафиз стал все-

мирно известным поэтом. Об оценке Гёте персидской поэзии X—XV веков можно судить по следующему приведенному А. Крымским высказыванию великого немецкого поэта: «Персы из всех своих поэтов за пять столетий признали только семерых *, а ведь и среди прочих, забракованных ими, многие будут почище меня». В 1824 году написал цикл «Подражания Корану» Александр Сергеевич Пушкин. В этот цикл вошли девять произведений. Великому русскому поэту хорошо были «Гафиза и Саади... знакомы имена». Он написал стихи «Из Гафиза». Спустя пять лет к поэзии Саади и Фирдоуси обращался Виктор Мари Гюго. По подстрочным переводам он вникал в суть образов персидской лирики, выписывал поразившие его звучания, называл их «горстью драгоценных камней, наспех и случайно выхваченных из великих россыпей Востока». По мотивам «Гулистана» он создал стихотворения «Пленница», «Ноябрь» и включил их в свой сборник «Восточные мотивы». К восточной поэзии не раз обращался Михаил Юрьевич Лермонтов. В 1839 году им, например, было написано стихотворение «Три пальмы (восточное сказание)», по размеру и строфике близкое к девятому стихотворению пушкинского цикла. Много интересных вольных переложений и подражаний Хафизу оставил Фет. Пользовался он немецким источником, «составившим переводчику почетное имя в Германии». Возможно, это «переводы» из Хафиза, выполненные Даумером. «Я старался,— поясняет Фет,— до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей в отношении к размерам и рифмам, часто двойным в соответствующих строках».

В XX веке к персидской поэзии обращались русские поэты М. Кузьмин, Вяч. Иванов, В. Брюсов. «Несколько персидских газел, прочитанных и переведенных мне С. А. Поляковым,— отмечает В. Брюсов,— дали мне безмерно больше представления о персидской поэзии, нежели целые томы исследований о персидской литературе».

Итак, в XIX и XX веках увлечению персидской поэзией отда-

* См. примечания в конце книги.

ют дань лучшие переводчики, подчиняют ум и сердце крупнейшие поэты мира.

В первой четверти XX века поэзия Хайяма и Саади была уже достаточно широко представлена и на русском языке. Поэтому встреча с ней не представляла труда, и нет оснований сомневаться в том, что Есенин уже в двадцатом году знал и, так же как другие, испытал на себе ее очарование. Поэт, знавший наизусть большую часть произведений Пушкина, Лермонтова, Мея и Фета, был, конечно, знаком со стихотворениями, написанными ими в подражание персидской лире. «Из поэтов,— рассказывал Есенин в 1921 году Розанову,— я рано узнал Пушкина и Фета. Со стихами Бальмонта познакомился гораздо позже... Я решил, что Фет гораздо лучше, и продолжаю неизменно думать так и до сего дня». М. Бабенчиков дополнил и уточнил эту запись Розанова: «Мне и ряду других лиц Есенин не раз говорил о своей любви к Фету». Творчество поэтов М. Кузьмина, Вяч. Иванова и В. Брюсова Есенин также знал хорошо. Довольно часто он встречался с некоторыми из них. И не раз, верно, при этих встречах был свидетелем, а то и участником горячих дискуссий о шести веках славы персидской поэзии. Тут поэт имел возможность и проверить и пополнить свои знания.

В «Персидских мотивах» наряду с именами Хайяма и Саади упоминается и имя классика таджикской поэзии Фирдоуси (Абуль Касим Фирдоуси Туси, 941—1020). Избранные места из «Шахнамэ» Фирдоуси были опубликованы на русском языке в 1905—1915 гг. Следовательно, Есенин мог ознакомиться с этим произведением не только по рассказам. Но составить представление о Фирдоуси и его «Книге царей» (Шахнамэ) Есенин мог, например, и по балладе Генриха Гейне «Поэт Фирдуси» в переводе Льва Александровича Мея. Этот перевод на русском языке получил широкое распространение. Есенин любил стихи Мея. И. Грузинов вспоминает, что в 1919 году поэт одно время даже не расставался с ними. «Есенин увлекается Меем,— пишет И. Грузинов.— Помню книжку Мея, в красной обложке, издание Маркса. Он выбирает лучшие, по его мнению, стихи Мея, читает мне. Утверждает, что у Мея чрезвы-

чайно образный язык. Утверждает, что Мей имажинист». Знакомство Есенина с творчеством Фирдоуси, возможно, по этому источнику подтверждается косвенно и тем, что имя классика таджикской лирики поэт пишет так же, как и Мей, с заменой во втором слоге буквы «о» на «у» и с сокращением общего числа слогов с четырех до трех: Фирдуси. Переводчик «Книги о царях» С. И. Соколов использует в первом выпуске такую же транскрипцию.

Величайший лирик XX века, Есенин даже в переводе уловил необыкновенное изящество персидской поэзии.

Поэт любил пройти по следам своего героя, увидеть и представить себе место и время действия. Это будило воображение, давало пищу уму. Чтобы написать драматическую поэму «Пугачев», он проехал в вагоне Колобова по оренбургским степям, чтобы создать «Москву кабацкую» — пошел в нэповские кабаки и ночлежки. Воспетые уже рязанские раздолья посещает он вновь и вновь, и снова возникают после этого неповторимые есенинские творения.

Что же удивительного, если Есенин захотел подышать воздухом Шираза, пройти к могилам великих лириков Персии. Он был уверен, что произойдет чудо, что его душа отзовется на все увиденное и услышанное в стране роз.

И Персия сделалась для Есенина Меккой классической лирики. Поклониться ее могилам стало целью жизни поэта.

Выезд на Кавказ летом 1920 года в вагоне уполномоченного НКПС и страстного поклонника есенинской поэзии Г. Р. Колобова был второй, возможно, попыткой поэта добраться до Ближнего Востока*. Один из спутников Есенина А. Б. Мариенгоф рассказывает в своих воспоминаниях, что Есенин доехал тогда до Баку.

Современник Есенина и Мариенгофа старший научный сотрудник одного из московских институтов доцент М. И. Таубер сообщил: «Из рассказов Мариенгофа, касающихся Есенина, помню следующее. В 1920 году оба поэта в вагоне Колобова проехали от Москвы до Баку. Есенину хотелось, как говорил Мариенгоф, побывать в Батуме**, чтобы на фелюге добраться до Турции: он мечтал взглянуть на Константинополь» ***.

Другой современник поэта доктор филологических наук А. И. Гербстман любезно предоставил в распоряжение автора следующие любопытные воспоминания о встрече с Есениным в 1920 году в Тифлисе: «Во второй половине 1920 года к нам с женой в гостиницу «Астория» неожиданно явился мой друг детства и сосученик по ростовской гимназии — Марк Захарович Цейтлин. Память позволяет мне назвать время приезда его в Тифлис с полной уверенностью. Дело в том, что я женился в апреле 1920 года, а 20 сентября 1920 года выехал с женой из Тифлиса в Сухум. Цейтлин появился за месяц до нашего отъезда. Уже в гимназические годы он был известен тем, что стал редактором-издателем молодежного печатного журнала «Юная мысль», выходившего в Ростове-на-Дону. Появившись у нас, он отрекомендовался комендантом поезда, прибывшего из Советской России в меньшевистскую Грузию. Во время этой первой встречи и в последующее время с Цейтлиным не было особенных разговоров о том, как протекала эта поездка, так как подобного рода передвижения советских поездов через границу между меньшевистской Грузией и Советским Азербайджаном не были редкостью. А вот сообщение М. З. Цейтлина о том, что он привез в Тифлис «гордость и надежду советской поэзии — Сережу Есенина», вызвало у нас с женой большой интерес. И когда он пригласил нас на встречу с поэтом у известного тифлисского юриста Захара Рохлина, мы тут же решили непременно быть...

Я сначала не поверил, что встретился с Есениным: он выглядел совсем по-мальчишески, был навеселе, его разговор не совпадал с моими представлениями о знаменитом поэте... Во втором часу ночи поэта начали уговаривать прочесть стихи. Он, как мне показалось, несколько кокетливо отказывался вначале, потом согласился. Читал Есенин изумительно: очень эмоционально, всем телом жестикулируя, особенно руками и головой. Мои сомнения полностью рассеялись. Я был потрясен...

Сын адвоката, Константин Захарович Рохлин, стал большевиком. В семье был раскол. Костю искала меньшевистская милиция. В эту ночь он явился к отцу, чтобы послушать Есенина.

Встали из-за стола. Есенин завел беседу на политические темы. Он говорил: «Мы — советские...», «Советская Россия — наша родина...». Рохлин предложил ему выйти на веранду. Есенин подошел к решетке, перегнулся и вдруг закричал, обращаясь к кому-то на улице: «Да здравствует Советская Россия!» И еще что-то в этом роде. В доме вскоре появились гости из особого отряда меньшевистской милиции. Костю спрятали: то ли в сундук, то ли закатали в ковер, не помню уже. Рохлин откупился. А нас уложили спать» *.

Итак, в 1920 году Есенину не удалось побывать на Ближнем Востоке. Но теперь мы знаем, что он доехал не до Баку, а до Тифлиса.

Надежда выехать в Персию не оставляет поэта. В конце 1921 — начале 1922 года Мариенгоф утратил веру в возможность изолировать Есенина от Дункан (он всю жизнь подчеркивал трагическое для Есенина значение этой связи). И Мариенгоф готовит новую, третью поездку Есенина на Кавказ. «Розовый полусумрак,— пишет он в «Романе без вранья».— С мягких больших плеч Изадоры стекают легкие складки красноватого шелка... Стали обдумывать, как вытащить из Москвы Есенина. Соблазняли и соблазнили Персией». Однако случилось так, что в феврале 1922 года Есенин доехал лишь до Ростова-на-Дону: в Москве он опоздал на поезд, к которому был прицеплен вагон Колобова, отправлявшийся в Тифлис и далее в Батум, догнал этот вагон лишь в Ростове. Но тут поэт поссорился с хозяином вагона, отказался от дальнейшей поездки с ним и вернулся в Москву.

2... 3 сентября 1924 года Есенин едет на Кавказ в четвертый раз. Движет им (в частности) все то же желание побывать в Персии. Непосредственным толчком к поездке была встреча поэта с П. И. Чагиным, вторым секретарем ЦК компартии Азербайджана и редактором газеты «Бакинский рабочий». Чагин пригласил Есенина в Баку, пообещав содействие в выезде в Персию. Есенин охотно принял это приглашение, приехал в Баку. Потом жил в столице Грузии, временами — снова в Баку. «Сижу в Тифлисе,— писал он 17 октября 1924 года своему другу Галине Артуровне Бениславс-

ской.— Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась».

Спокойная уверенность, что днями он будет в стране обетованной, что следующее письмо, насыщенное новыми впечатлениями, он отправит уже оттуда, так тверда в Есенине, что в том же письме от 17 октября 1924 года появляются строки: «Из Батума получил приглашение от Повицкого. После Персии заеду». И далее: «Из Персии напишу подробней». Вера в реальность этой поездки не покидает его и позднее. «Несколько времени поживу в Тегеране,— пишет он через пять дней Г. А. Бениславской,— а потом поеду в Батум или в Баку». Однако в октябре-ноябре 1924 года поездка в Персию вновь не состоялась.

НАЧАЛО ПЕРСИДСКОГО ЦИКЛА

Есенин задумал создать «Персидские мотивы» давно, по-видимому, еще в те времена, когда наблюдал и сам испытывал тревожное волнение от встречи с персидской классикой. Мысль о таком цикле стихотворений возникла вместе с мечтой о Персии. Он, этот цикл, должен быть необыкновенным — вершиной его творчества. Есенину было ясно, что она еще не достигнута.

Персы оставили миру перлы лирической поэзии. Им известна была тайна создания поэтической ткани на века. И он узнает ее, эту тайну. И, может быть, ему станет ведомо еще такое, чего мир никогда не знал. Вот только бы побывать на Востоке, увидеть своими глазами его своеобразие, цветовую гамму, контрасты, послушать пульс жизни.

В 1921 году Есенин побывал в Ташкенте в мае, в дни мусульманского праздника уразы. С того времени, как ранним утром начинает алеть восток и невооруженному глазу удается различить белую и черную нить, правоверному запрещено пить и есть, купаться и курить, работать и предаваться утехам. Словом, не дозволено вести обычную жизнь, к которой он привык, до той поры позднего вечера, когда те же белая и черная нити не станут вновь

неотличимыми. В этот час мулла приглашает верующих на молитву. Затем рокочут жертвенные барабаны, созывая мусульман на праздник. И начинается тогда жизнь, жизнь ночью. Подается отличный зеленый чай и жирный бараний плов. Идут ритуальные хороводы и танцы под зурну. Цветы, персидские и узбекские ткани, и снова цветы... Пиршество на всю ночь.

Есенин впервые увидел Восток. Тут, на улицах и площадях Ташкента, он был красочен и удивителен. Поэт бродил, очарованный этим невиданным зрелищем. Смотрел на ночную жизнь города, входил в чайхану, пил, как и все, освежающий чай, сидя на узбекском ковре, и слушал незнакомую гортанную речь. Ее иногда переводил Есенину Саша Абрамов, друг, изредка публиковавший в столичной прессе стихи за подписью А. Ширяевец.

Это была та реальная обстановка, которой не хватало Есенину, чтобы вообразить себя в Персии. И ему подумалось, может быть, на минуту тогда, что ключ от персидского цикла у него в кармане. Но в то время он так и не написал стихов о Персии. И не мог бы, верно. Шла еще та пора становления есенинского творчества, когда поиски казались нужнее результатов, и талант поэта блуждал во тьме имажинистского лабиринта, хотя и различал уже нить, ведущую к выходу.

Желание посмотреть настоящий Восток не оставляло поэта. В феврале 1922 года, когда ссора с Колобовым на ростовском вокзале прервала, как тогда полагал Есенин, поездку в Персию, поэт, дожидаясь обратного поезда, провел день в семье поэтессы Нины Грацианской. Оставив в передней зимнее, очень добротное пальто, он не снял боярскую шапку. Сидел весь день в кабинете хозяина дома, большого любителя есенинской поэзии, затем — в гостиной. Пояснил сразу же: снять шапку никак не может — всю дорогу от Москвы до Ростова-на-Дону кутили, ну и повредил голову малость. И больше к этому возвращаться не хотел. Разговор шел о поэзии. «Упрекнула его,— записала Грацианская,— почему в «Пугачеве» нет ни одной женщины. Улыбнулся милой своей неповторимой улыбкой и сказал: «О женщине еще скажу, это обещаю, обязательно скажу».

Шел самый трудный период в судьбе поэта: жизнь с Дункан. Потом они уехали за границу, и там Есенин опубликовал первые стихи из цикла «Москва кабацкая». В 1923 году возникло продолжение — цикл «Любовь хулигана», в котором наметилось, наконец, освобождение от темы, так долго истощавшей его душу. Год спустя поэт почувствовал, что оторвался окончательно от этой темы.

В самом деле, с июня 1924 года ему «работается и пишется... дьявольски хорошо». В мае-июне он закончил поэму «Ленин», затем написал: в июне — «Русь советскую», в июле — «Песнь о великом походе», в августе — «Поэму о 36», в сентябре — «Балладу о 26». Форма и содержание слились, образовали единство, о котором может мечтать любой современник. Отброшен не только имажинизм как школа, которая «не имела под собой почвы», но и сомнения недавнего прошлого. Вошла в русло великой есенинской поэзии спокойная, широкая и светлая струя.

Появилась реальная возможность вернуться к персидской теме, к встрече с неведомым, завораживающе прекрасным, что, как сполохи зарниц, возникало временами в его сознании.

В Тифлисе он стал наконец осуществлять свой замысел. Произошло это в середине октября (не позднее 20 октября) 1924 года.

Вот что рассказывает Н. К. Вержбицкий о рождении «Персидских мотивов»: «Подвернулся мне томик — «Персидские лирики X—XV веков» в переводе академика Корша. Я взял его домой почитать. А потом он оказался в руках Есенина, который уже не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко очаровало поэта в этих стихах. Он ходил по комнате и декламировал Омара Хайяма...[1]. Как-то вечером, за ужином, Есенин прочел нам свое первое стихотворение из будущего цикла «Персидские мотивы».

Воспоминания Н. К. Вержбицкого впервые были опубликованы в феврале 1958 года в журнале «Звезда». Из них следует, что познакомился с персидской поэзией и полюбил ее Есенин впервые

---

[1] Далее Н. К. Вержбицкий цитирует рубайят Хайяма в четырехстрочном переводе.

осенью 1924 года в гостях у Вержбицкого. На версии первого знакомства Есенина с поэзией персидских лириков на Кавказе в 1924—1925 гг. остановилась и выпускница МГУ М. Вайнштейн в своей дипломной работе, часть которой была опубликована в 1962 году. Она пишет о Есенине: «Прекрасно знающий поэзию древней Руси, он познакомился на Кавказе с творчеством величайших лириков Востока».

Выше мы показали, что поэт не мог не знать персидские переводы еще до поездки на Кавказ в 1920 году. Выезд на Кавказ осенью 1924 года был четвертой попыткой поэта проехать в Персию, предопределенной давним уже знакомством его с персидской лирикой.

У Вержбицкого Сергей Есенин ходит с томиком переводов Корша и декламирует Омара Хайяма. Автор мемуаров помнит не только книгу, которую читал осенью 1924 года Есенин, но и конкретные строки стихов, произносимых вслух тридцать лет назад.

Однако Есенин не мог читать рубайят Хайяма, цитируемые Вержбицким. Не мог по простой причине: их нет в книге, на которую указывает автор воспоминаний. Затем, стихи Хайяма, вошедшие в этот сборник, переведены И. П. Умовым, учеником Ф. Е. Корша. Умов переводил рубаи персидского поэта восьмистишием. У Вержбицкого же Есенин читает переводы, выполненные четырехстишиями. Словом, стихи Хайяма взяты Вержбицким не из книги, на которую он ссылается, а из другого источника и в другом переводе. Кроме того, книга называется «Персидские лирики», а не «Персидские лирики X—XV веков». В книге представлены поэты Саадий, Хейям, Фирдовсий. В есенинском цикле мы найдем имена тех же лириков, но в другой транскрипции: Саади, Хайям, Фирдуси. В стихотворных переводах Корша встречается рифма: Саади — подойди. Следовательно, переводчик произносит: Саадѝ. Есенин рифмует: Саади — ради, Саади — взгляде, то есть при произношении имени поэта переносит ударение с третьего на второй слог: Саа̀ди.

Если бы Есенин познакомился с персидской поэзией впервые при чтении книги «Персидские лирики», то вряд ли бы стал тут

же, вопреки воле переводчика, открывшего ему неизвестное до того искусство, изменять имена поэтов и их произношение по своему вкусу. Навязывать Есенину такого рода использование источников неосмотрительно. Уже знакомый с рядом других переводов с персидского языка, знающий, что у Брюсова в переводах Саади, у Мея — Фирдуси, у Уманца — Хаям, поэт мог отметить в памяти ничем не ограниченное разнообразие транскрипций и сознательно выбрать ту, какую признал наиболее приемлемой для своих стихов.

Можно не сомневаться, однако, что Вержбицкий не погрешил против истины в той части, что том «Персидские лирики» действительно попал в Тифлисе в руки Есенина, напомнил ему о давнем намерении написать цикл персидских стихов.

В середине октября 1924 года вопрос о поездке в Персию Есенин считал решенным. Посещение Тегерана представлялось ему не сложнее экскурсии в Ереван. Письма поэта в столицу в этот период полны планами издания поэтических сборников и рекомендациями по ним, хмурыми рассказами о жизни в Тифлисе и расспросами о Москве, замечаниями о гостях, мешающих работать, и проектами встречи с друзьями. Словом, заполнены чем угодно, только не беспокойством о том, что поездка в Персию не состоится.

После нетерпеливых ожиданий наступила реакция. Он почти не может работать. Его давит скука. Тифлис надоел. Есть надежда, что вдохновенье появится в Тегеране, но он далеко не уверен в этом, ибо Персия почти утратила притягательную силу. В конце концов он уже имеет опыт жизни за границей: не очень-то ему там писалось. 17 октября 1924 года он сообщил Бениславской: «Довольно тоскливо. Пишу мало. Думаю засесть писать в Тегеране. Зачем черт несет — не знаю».

В эти дни и появляется, по-видимому, в комнате Вержбицкого книга персидских стихов. Есенин оживляется. Читает и критикует бесцветные переводы. Думает, как бы он написал сам. Пробует. И отдается внезапному счастливому вдохновенью.

В последующие пять дней происходит чудо, которого Есенин

ждал так долго: он создает два первых стихотворения персидского цикла: «Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...». Поэт читает их Вержбицкому и другим тифлисским друзьям. Их одобрение ничуть не удивляет, он знает, что написал хорошие стихи. И все-таки восхищение друзей приятно. Получилось, кажется, то, о чем мечтал. Теперь уже хандры и в помине нет. Ему некогда, ему даже хочется уединиться.

20 октября 1924 года Есенин пишет Бениславской: «На днях я пошлю... персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими... Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать».

Итак, в период с 17 по 20 октября 1924 года происходит перемена творческого состояния поэта: 17 октября он не знает, куда себя деть, почти не работает над стихами, а 20 октября так занят ими, что ему уже мешают те самые гости, без которых пять дней назад он не мог обойтись. До 20 октября он уже не только написал персидские стихи, но и успел прочесть их, и знает даже мнение о них первых слушателей.

Мы с полным основанием можем поэтому датировать создание первых двух стихотворений персидского цикла — «Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...» — периодом времени: 18... 20 октября 1924 года *.

29 октября 1924 года поэт вложил листки с новыми стихами в конверт и послал в Москву Бениславской с письмом, в котором сообщал: «Посылаю Вам 2 стихотворения из «Персидских мотивов». После пришлю еще». Сделал указания о разделах тома «Собрания стихотворений» и добавил: «Персидские мотивы» не включайте».

Он твердо решил написать цикл стихов о Персии и издать его отдельной книгой.

Отправимся в ЦГАЛИ (Москва), где хранятся бесценные реликвии — автографы Сергея Есенина. Среди других здесь есть двенадцать рукописей стихотворений из цикла «Персидские мотивы», написанных рукой поэта. Возьмем две первые и положим рядом. Мы увидим пожелтевшие от времени листы бумаги совершенно

одинаковой фактуры, вырванные из ученической тетради в линейку, размером 170×214 мм. Листы пронумерованы: на втором справа вверху стоит цифра 2. Текст на обоих листах написан химическим фиолетовым карандашом, получившим большое распространение в те годы. На первом листе — черновой автограф стихотворения «Улеглась моя былая рана...» из семи строф, хранящий следы работы поэта над строкой. На втором — беловой автограф стихотворения «Я спросил сегодня у менялы...», состоящий из шести строф. В конце дата: «С. Есенин. 24».

Стихотворение «Улеглась моя былая рана...» затрагивает тему раскрепощения восточной женщины, очень близкую современникам. В те годы периодическая печать Закавказья неизменно уделяла большое внимание борьбе с унизительными для достоинства человека обычаями.

Теплота и нежность есенинского сердца выплеснулись в ласковых словах, обращенных к восточной красавице, обреченной носить чадру. Естественно, что тем самым начат разговор и на тему о любви к женщине. И не имеет значения, что в стихотворении говорится о синих цветах Тегерана, коврах ширазских и шалях хорасанских, которых ни сам поэт, ни его читатели никогда не видали. Светлый оптимизм, незлобивый юмор строк этого произведения дарят человеку хорошее настроение, будят добрые чувства.

В стихотворении «Я спросил сегодня у менялы...» находит продолжение тема любви. Поэт вопрошает собеседника о языке, который может выразить его чувства к прекрасной персиянке. Меняла наделен философским складом ума, острой наблюдательностью, поэтическим разговорным языком, словом, превращен из рядового персонажа восточного рынка в оракула. Краткие ответы его блестящи по форме и необычны по содержанию. Персиянка имеет традиционное восточное имя Лала. Если меняла наделен определенными, пусть и не свойственными ему достоинствами, то персиянка совершенно лишена какой-либо конкретности, и образ этот носит чисто служебный характер.

БАТУМСКАЯ ЗИМА

«ШАГАНЭ ТЫ МОЯ, ШАГАНЭ...»

Поднялись с рассветом.

— Закусим? — спросил Вержбицкий.

Костя отрицательно качнул головой и снова уставился в окно. Есенин завтракать тоже не захотел. Он вышел из купе и встал у открытого окна. Мелькали редкие деревни. Их сменяли ущелья, утопающие в зарослях. Вот замелькали дачные предместья Батума.

На батумском перроне поезд встречала пестрая шумная толпа. Над головами плыли букеты цветов. Горланили мальчишки с кувшинами воды. Зазывали в свои кибитки извозчики. Владельцы квартир и комнат, сдаваемых в наем, назойливо предлагали свои услуги.

Остановились в двухкомнатном номере гостиницы «Ной». Переоделись, отдохнули, посидели в ресторане. Затем долго гуляли по городу. Лишенные коры эвкалипты — деревья-насосы, пальмы, сизые змеи мексиканских агав, японские камелии с темно-зелеными

отлакированными листьями, какие-то кустарники, осыпанные ярко-красными бутонами,— все здесь было ново и необычно для глаза.

Но эта экзотика ничем не поразила Есенина. «Как в оранжерее»,— сказал он равнодушно.

Остаток дня он провел у себя в гостинице.

Есенин углубился в работу. Он ходил из комнаты в комнату или часами неподвижно лежал на диване. Казалось, он ничего не делает. Подойдет к окну, постоит, потом снова меряет комнату шагами. Ничего не записывает. Но друзья уже знают, что так Есенин сочиняет стихи.

Выезд 3... 5 декабря 1924 года в Батум был пятой попыткой поэта побывать на Ближнем Востоке. Н. К. Вержбицкий рассказывает об этой поездке: «Поэт настойчиво просил меня достать документы на право поездки в Константинополь. Кто-то ему сказал, что такое разрешение, заменяющее заграничный паспорт, уже выдавалось некоторым журналистам. А свое намерение съездить в Турцию Есенин объяснял сильным желанием повидать «настоящий Восток» (по-видимому, это было новым вариантом его старого замысла посетить одну из стран Ближнего Востока, подогретого чтением персидских лириков и уже осуществляемым циклом «Персидские мотивы»). Один из членов Закавказского правительства, большой поклонник Есенина, дал письмо к начальнику Батумского порта с просьбой посадить нас на какой-нибудь торговый советский пароход в качестве матросов с маршрутом: Батум — Константинополь — Батум».

Батум был удивительным. Казалось, стоял ласковый московский сентябрь. Днем Есенин и его друзья ходили без пальто и часто без шляпы. Можно было даже купаться: море — голубое, тихое и не очень холодное. Шелестели под ногами редкие листья, упавшие с чинары или каштана, но благородный лавр, царственная магнолия и экзотические пальмы всем своим зеленым убранством утверждали, что это чистая случайность. Бурно цвели георгины, тюльпаны, астры, гортензии... Цветы заполняли сады, парки, киоски, рынки. Словно голубой купол с горячим солнцем отгородил этот уголок от всего мира. «Здесь солнышко. Ах, какое солнышко! —

писал 14 декабря 1924 года Есенин в Москву.— В Рязанской губернии оно теперь похоже на прогнившую тыкву, и потому меня туда абсолютно не тянет».

Он опубликовал в местной газете персидские стихи, написанные в Тифлисе *. Послал Чагину поэму «Цветы». Начал готовить новую поэму «Анна Снегина». Повицкий, уходя из дома в редакцию, запирал его на ключ, чтобы «друзья» не мешали работать.

Попытки выехать в Константинополь не имели успеха. «Наша поездка не состоялась», — отмечает Вержбицкий. Однако с провалом путешествия в Турцию надежда выехать в Персию не угасла, а вновь разгорелась. 14 декабря 1924 года Есенин писал П. И. Чагину в Баку: «Я не знаю сам, где я буду... Черт знает, может быть, я проберусь... в Тегеран». 17 декабря 1924 года он пишет Бениславской: «До весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тегеран, потом опять в Баку».

Вержбицкий и Соколов, жившие некоторое время с Есениным в Батуме, возвратились в Тифлис. Есенин остался в столице Аджарии.

20 декабря отправил Бениславской два новых стихотворения из персидского цикла: «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...». Написал: «Галя, милая, «Персидские мотивы» это у меня целая книга в 20 стихотворений. Посылаю Вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока» **.

От Петра Ивановича Чагина, редактора газеты «Бакинский рабочий», пришла телеграмма с просьбой слать стихи.

Есенин с уважением относился к Чагину, который был моложе его на три года, а вел такое большое дело. Чагин был весел, энергичен, добр, умел сближаться с людьми. И к нему, Есенину, сам обратился. И было видно, что стихи есенинские нравятся ему. Еще в Москве, приглашая в гости, сказал, что бакинцы любят его, Есенина, поэзию, и газета будет безотказно печатать все, что поэт пришлет. Обещал он и с выездом в Персию помочь. За это Есенин был благодарен Чагину особо. Поэт как-то сразу поверил, что так и будет.

Мечта о Персии стала близка, как следующий день. Это доста-

вило мятущейся душе поэта успокоение и огромное наслаждение: вот он, Есенин, захотел и добился-таки желанной цели.

Первые персидские стихи, написанные в Тифлисе и Батуме, Есенин посвятил Чагину. Правда, до сих пор с поездкой ровно ничего не вышло. Но разве виноват Чагин? Сложно это очень. На один он решает такой вопрос. А кроме того, еще не все потеряно. Заверяют же его, что разрешение на выезд будет получено.

21 декабря 1924 года послал П. И. Чагину персидские стихи *. В письме сообщал: «Стихи о Персии я давно посвятил тебе. Только до книги я буду ставить или «П. Ч.» или вовсе ничего. Все это полностью будет в книге. Она выйдет отдельно. 20 стихотворений».

Персидские стихи нравились ему самому. Он считал их лучшими из всех, что написал. В цикл войдут стихотворения, объединенные общей темой: персидские мотивы. Это будет многоплановое произведение. Во-первых, стихи будут говорить о мире, в котором он живет. Иначе Есенин и не умеет. Он немедленно откликался на любые текущие события. Все, что им написано, взято из конкретного бытия. Правда, он довольно долго смотрел на все происходящее с «крестьянским уклоном». Но он был реалистом. И когда понял, что только коммунисты знают путь к новой жизни, стал разрабатывать в стихах эту тему.

Поэтому в первом же стихотворении, написанном в Тифлисе и ставшем началом цикла, он избрал отнюдь не мотив персидской лирики X—XV веков, а актуальнейшую тему из жизни Советского Закавказья первой половины тридцатых годов — раскрепощение восточной женщины. Тема черной чадры не тревожила персидских классиков, Есенин не смог бы ее позаимствовать у них. В «Персидских мотивах» эта тема появится и во втором стихотворении, пройдет и через другие стихи цикла. Во-вторых, стихи цикла расскажут о любви человеческой. Есенин видел неизменную современность этой темы. И когда читал стихи Фета, и когда знакомился с переводами персидских лириков, он понимал, что эмоции человеческие, если и меняются, то крайне медленно. Он решил вне-

сти и свой вклад в вечную тему. Два первых стихотворения были посвящены любви.

В двух новых написанных в Батуме стихотворениях поэт продолжает развивать вторую тему цикла.

В стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» поэт обращается со словами любви и нежности к персиянке Шаганэ. Он не зовет ее прекрасной, как это имело место во втором стихотворении, когда речь шла о персиянке Лале. Шаганэ — не служебный образ, и риторика здесь неуместна. Новому поэтическому образу поэт придает определенные жизненные черты: Шаганэ — умна и серьезна и в то же время жизнерадостна и весела. С ясной улыбкой, с песней, как птица, встречает она утро жизни. Любит острое словцо, хорошую шутку. Шаганэ конкретна и потому еще, что на нее «страшно похожа» девушка, которая живет на севере и хорошо известна поэту.

Вместе с тем и отношение Есенина к персиянке получает новую форму выражения. В стихотворении нет, например, риторических объяснений в любви. И в то же время от строчки к строчке, от строфы к строфе постепенно усиливается лирическая насыщенность: «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». Достигается это усиление и за счет повтора имени персиянки в строке, и за счет заключения строфы этой строкой, и за счет, наконец, применения приема кольцевания той же строкой стихотворения в целом. Происходит то же, что в разговорной речи случается со словом «любимая». Часто повторяемое, избитое, оно в устах влюбленного обладает неизъяснимой привлекательностью, убедительностью и совершенной новизной.

Чувства поэта обострены и изменчивы, «как волнистая рожь при луне». И в этой напряженности и неустойчивости эмоций вся его жизнь. Чтобы рассказать об этом, он использует язык образа. Сравнивает прекрасный Шираз с рязанскими вольными, как ветер, раздольями, уподобляет золотую рожь беспокойным кудрям своим и просит, настойчиво просит персиянку взглянуть на них, понять его душу и не будить все то, что так тесно связано с воспоминаниями о близких сердцу, но далеких сейчас картинах родного

края. Не будить, потому что великая красота чужого края не может быть для него ярче родной, привычной шири полей, потому что он так устроен, потому что воспоминания о любимой Родине вызывают у него тоску и боль.

Так возникает третья тема — любовь к Родине, которая, как мы увидим дальше, также пройдет через многие стихи цикла.

Тонкая трепетная красота этого замечательного стихотворения — жемчужины цикла — ни с чем не сравнима.

Рукопись стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» не найдена. Мы не можем также пока назвать точную дату создания его. Под первой публикацией стихотворения в газете «Бакинский рабочий» стоит дата: «Батум, декабрь 1924 г.» (см. примечание к стр. 22). Редакция пятитомника также называет эту дату, со ссылкой на газету (т. 3, стр. 234). Представляется, что эта принятая сейчас датировка может быть уточнена. Стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» вместе со стихотворением «Ты сказала, что Саади...» было отправлено Есениным из Батума: Бениславской — 20 декабря, Чагину — 21 декабря 1924 года. Значит, мы можем назвать сразу же крайнюю дату создания стихотворения — 19 декабря 1924 года. Далее, в четырех известных письмах, отправленных поэтом из Батума 12—17 декабря 1924 года (т. 5, стр. 185—190), об этих стихотворениях упоминания нет. Стихотворение «Ты сказала, что Саади...» создано поэтом 19 декабря 1924 года. При первой и всех последующих публикациях Есенин ставит стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» перед стихотворением «Ты сказала, что Саади...». Ясно, что первое создано им раньше или одновременно со вторым, но в период времени с 18 до 19 декабря 1924 года. Поэтому в «Литературной хронике» С. А. Есенина было отмечено, что стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» написано в Батуме 18... 19 декабря 1924 года. Эта дата сохраняется и в настоящей работе.

Четвертое стихотворение цикла «Ты сказала, что Саади...» было написано 19 декабря 1924 года. В нем продолжается тема любви. В стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» чувства поэта к персиянке ясны, хотя они не выражены прямой речью. В четвер-

том стихотворении цикла поэт уже говорит о «милой Шаганэ». И все-таки полнота чувств вновь показана здесь через посредство образа. Построенное на противопоставлении подзадоривающей шутки персиянки и серьезного душевного ответа лирического героя цикла, стихотворение это выражает ревнивое чувство восхищения поэта красотой Шаганэ. Чтобы передать это восхищение, Есенин прибегает к излюбленному в персидской поэзии сравнению красоты возлюбленной с красотой розы — лучшего цветка сада: все розы должны быть уничтожены, чтобы они не могли соперничать с Шаганэ.

Обратимся вновь к рукописям, имеющимся в ЦГАЛИ. Среди них сохранился автограф стихотворения «Ты сказала, что Саади...». Это черновая рукопись *. Писал поэт незаточенным фиолетового цвета химическим карандашом на листе бумаги размером 170×206 мм, вырванном из блокнота. Бумага — в мелкую клетку. В рукописи не четыре, а пять строф. Вторую (дополнительную) строфу Есенин не публиковал.

Итак, в третьем и четвертом стихотворениях цикла появляется новый образ: персиянка Шаганэ. Образ этот очень конкретен. Невольно возникла мысль, нет ли за ним прототипа? Может быть, женщина с таким именем действительно встретилась Есенину?

Много лет назад, разбираясь в есенинском архиве, я обнаружил в Государственном литературном музее (Москва) фотографию неизвестной. На обороте снимка была надпись: «Шаганэ». Тогда же я приобрел копию его и затем потратил немало усилий на выяснение фамилии незнакомки. Установить, впрочем, ее не удалось.

Была ли это действительно Шаганэ или кто-то подшутил, написав на обороте фотографии имя героини есенинских стихов? Как попала фотография к Есенину и потом в его архив?

Мне были известны воспоминания В. И. Качалова ** и Л. О. Повицкого ***, в которых коротко упоминалось о встречах Есенина с женщиной по имени Шаганэ. Фотография неизвестной и мемуарные записи Качалова и Повицкого были неясными отпечатками следа, который мог привести либо к установлению прототипа Шаганэ, либо к обнаружению очередной литературной мистификации.

РОЗЫСКИ

В 1958 году мне пришлось выехать в отпуск в октябре. Я с трудом оторвался тогда от «Литературной хроники» С. А. Есенина, которую заканчивал писать, и память упорно и настойчиво возвращала меня к ней, к страницам ее, казавшимся мне недоработанными.

Одним из неразрешенных оставался вопрос о прототипе образа персиянки Шаганэ. В литературном мире получила тогда широкое распространение версия о том, что поэт образовал это имя от фамилии журналиста П. И. Чагина, заменив букву «Ч» на «Ш». Версия эта была неубедительной, но документальных данных, которые могли бы ее опровергнуть, не было. Паутинка, ведущая к доказательствам, рвалась на глазах. Прежде всего, не подтвердились воспоминания В. И. Качалова о встрече Есенина с Шаганэ. Не нашлось ни одного свидетеля, который мог бы вслед за Качаловым утверждать, что в Баку в 1925 году жила женщина по имени Шаганэ. Затем запись Л. О. Повицкого была такова, что не могла объяснить появление в творчестве Есенина шести персидских стихотворений, связанных с именем Шаганэ (Шаги). Даже публикация ее состояться не могла *.

Кроме того, было ясно, что найти женщину с именем Шаганэ, даже жившую в 1924 году в Батуме, где были написаны стихи, даже встречавшуюся там с Есениным, было вовсе недостаточно, чтобы сказать новое слово о персонификации есенинского образа. Как известно, книга «Персидские мотивы», вышедшая в свет в 1925 году, была посвящена П. И. Чагину. Следовательно, чтобы разрушить литературную версию, имевшую хождение не одно десятилетие и получившую уже права гражданства, нужно было не столько найти Шаганэ, сколько главным образом доказать, что Есенин писал стихи, имея в виду ее реальные черты, найти современников, в те годы уже знавших, что стихи писались для нее.

Я приехал в Гагру, где должен был проводить свой отпуск, но и здесь цепкие воспоминания о неясных страницах «Хроники» не отпускали, продолжали тревожить.

Известно, что Есенин в Персии не бывал. Если Шаганэ — реальное лицо, то женщина с таким именем должна была жить в дни, когда писались персидские стихи. Искать ее следовало в Батуми.

Прервав отдых, я выехал в столицу Аджарской республики и начал ходить по городу в поисках следов пребывания здесь Есенина и Шаганэ.

Поиски оказались эффективными: в октябре 1958 года удалось найти пять современников Есенина — А. П. Туманяна, Е. С. Месчан, М. А. Арнольди, А. Н. Коломейцеву, Н. Д. Шаняеву, знавших лично учительницу по имени Шаганэ. Тогда же я записал их воспоминания. «Мы знали о стихах, написанных Есениным в Батуме для Шаганэ,— подтвердила Е. С. Месчан, заслуженная учительница Аджарской АССР.— Это не подлежало сомнению».

Были приняты меры к розыску Шаганэ, которая из Батума уехала в 1925 году. Оказалось, что Шаганэ много лет уже живет в Ереване. 20 ноября 1958 года жительница Еревана Е. Н. Кизирян, сестра Шаганэ (Ш. Н. Тальян), сообщила адрес последней и ее согласие записать воспоминания о встречах с Есениным.

29 января 1959 года Ш. Н. Тальян послала мне эти воспоминания и фотокопию дарственной надписи поэта на книге «Москва кабацкая».

«4 января 1925 года,— написала она в сопроводительном письме,— Сергей Александрович преподнес мне сборник «Москва кабацкая» (Ленинград, 1924, Госиздат) с собственноручной надписью, сделанной черным карандашом, фотокопию которой посылаю Вам в этом письме.

В декабре 1924 года, на третий день знакомства, Сергей Александрович преподнес мне стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», написанное черным карандашом на двух листах: один квадратный лист тетрадочной бумаги и еще $^1/_4$ такого листа. На большом листе были написаны первые 4 строфы, на маленьком — одна последняя, за которой следовала дата (не помню) и подпись поэта: «С. Есенин».

Второе стихотворение «Ты сказала, что Саади...» было написано тоже карандашом на обороте фотографии, где на берегу мо-

ря были сфотографированы стоя С. А. Есенин, Л. О. Повицкий и двое незнакомых мне мужчин. Над стихотворением было написано: «Милой Шаганэ», а в конце стояла подпись: «С. Есенин».

Текст стихотворения «Ты сказала, что Саади...» состоял из 4 строф и на фотографии, и в первой публикации» *.

3 февраля 1959 года Ш. Н. Тальян послала мне автобиографию и четыре своих фотоснимка, сделанных в 1918—1926 годах.

Фотография неизвестной, хранившаяся в есенинском архиве, и один из фотоснимков, присланных Ш. Н. Тальян, датированный ею 1921 годом, оказались тождественными.

«Есенин взял себе на память мою фотографию,— пишет в воспоминаниях Ш. Н. Тальян,— причем он сам ее выбрал из числа других. Это снимок 1919 года. Я снята в гимназической форме. На обороте карточки я своей рукой сделала надпись. В другой раз он сказал мне, что напечатает «Персидские мотивы» и поместит мою фотографию. Я попросила этого не делать, указав, что его стихи и так прекрасны и моя карточка к ним ничего не прибавит».

Как попала к нему фотография 1921 года, она не знает. Ясно все-таки, что Есенин, уезжая из Батума, взял с собой две фотографии Ш. Н. Тальян. Вспомним, что поэт интересовался сохранностью своего архива меньше, чем кто бы то ни было, что он держал свои деловые бумаги, документы и даже вещи у друзей и знакомых. Многое поэтому оказалось безвозвратно утраченным. А один из фотографических снимков Ш. Н. Тальян, сделанный в 1921 году, был сохранен поэтом. Он стал, естественно, веским доказательством, не только подтверждающим встречу Есенина с Тальян в Батуме, но и свидетельствующим о неизменном возвращении поэта к памяти о встречах с батумской учительницей.

Воспоминания пяти современников, встреча с которыми состоялась в Батуми в октябре 1958 года, говорят нам о том же. Позднее были получены воспоминания о Есенине и Тальян еще от двух современников: Е. В. Лебедевой (Иоффе) и Е. Н. Кизирян.

Теперь в моем распоряжении было все необходимое для подготовки статьи о розысках Ш. Н. Тальян и о персонификации героини цикла — персиянки Шаганэ. В 1959 году такая статья была

написана, однако, по независящим от автора причинам, напечатана она была лишь в 1964 году. При этом было опубликовано все обнаруженное при розысках: автобиография Ш. Н. Тальян, ее воспоминания о встречах с Есениным, воспоминания современников, дарственная надпись поэта на книге «Москва кабацкая» *.

Фотография Ш. Н. Тальян, найденная в архиве Есенина, была опубликована в 1965 году. Фотографии других лет стали также достоянием читателя.

В этой книге впервые публикуется фотография 1919 года, которую выбрал сам Есенин.

15 сентября 1966 года батумские розыски получили хорошее продолжение: М. С. Карапетян, член КПСС с 1918 года, прислала воспоминания о совместной с Ш. Н. Тальян подпольной работе в дашнакской Армении в 1919—1920 годах. Вот они:

«Тальян Ш. Н. в самую трудную пору Коммунистической партии Армении оказывала ей ценные услуги, неоднократно подвергая свою жизнь опасности, будучи сама беспартийной.

Выполняя задание Кавбюро ЦК РКП(б), она была связана с тов. А. Мравяном ** и с центром Компартии Армении в Эривани.

Это было после майского восстания в 1920 году в Армении, когда в стране был голод, нищета, сильная разруха. Везде свирепствовал белый маузеристский *** террор, шли повальные аресты. Все тюрьмы были переполнены коммунистами и повстанцами. Связи на местах и с центром были прерваны. Центральный руководящий орган партии — Арменком РКП(б) — перестал существовать.

Кавбюро ЦК РКП(б) сразу же после майского восстания приняло срочные меры по восстановлению разгромленных партийных организаций Армении и налаживанию в них работы. В Кавбюро РКП(б) стоял вопрос о переброске крупных денежных средств в Армению. Мне предложено было подобрать подходящего товарища, который был бы вне подозрения и мог бы осуществить связь между Кавбюро ЦК РКП(б) и руководящим центром Компартии Армении в Эривани.

Я вспомнила о Шаганэ, которую знала с юных лет и с 1919 года по подполью в Ахалцыхе как беспредельно честную и предан-

ную большевикам девушку. Вполне полагаясь на нее, я открыла ей явку Кавбюро и связала ее с тов. Мравяном. Вскоре Шаганэ выдержала большое испытание. Мы ехали в одном поезде, но не вместе, с целью конспирации. При ней находилась очень большая сумма денег, предназначенных Кавбюро для Компартии Армении. В Колагеране, когда меня арестовали и сняли с поезда, на Шаганэ тоже пало подозрение. Ее также хотели арестовать. Оказывается, при слежке за мной одним из агентов меньшевистской охранки было замечено на тифлисском вокзале, что при посадке в поезд я передала Шаганэ билет. Об этом, при моем аресте, было сообщено маузеристам. Но Шаганэ не растерялась, держалась великолепно, бесстрашно: стоя у вагона в кругу офицеров, с которыми нарочно завела знакомство в поезде, остроумно насмехалась над маузеристами, над нелепостью подозрения. Маузеристы не решились ее арестовать и отпустили. Так ей удалось освободиться и поехать на том же поезде. Деньги были доставлены в целости без задержки...

Шаганэ, не задумываясь, много раз рискуя жизнью, ездила в Ереван и обратно или в районы Армении. Кавбюро использовало ее и в Грузии. Например, она была послана в Батум.

При строгой конспирации она посещала явку Кавбюро, являлась на квартиру Мравяна, а после встречалась с Мравяном у матери Драстамата Тер-Симоняна *, на их квартире.

Шаганэ была активным, преданным работником Компартии Армении, о чем Мравян дал документ за подписью Шавердяна **. Последнего Шаганэ лично не знала, документ был подготовлен Мравяном.

Тов. Тальян-Тертерян Ш. Н. за период своей революционной деятельности вполне оправдала доверие нашей партии, самоотверженно работая в исключительно трудных условиях подполья в Армении.

М. С. Карапетян
Январь 1961 г.
г. Ереван».

Эта новая страница из жизни Ш. Н. Тальян поможет, несомненно, исследователю лучше понять впечатление, которое произвела на Есенина встреча с батумской учительницей в декабре 1924 года.

Маленький одноэтажный особняк, в одной из комнаток которого жила учительница Шаганэ, находился в просторном дворике на пересечении Смекаловской улицы, 15 (теперь улица Руставели, 11) и Соборного переулка (сейчас Комсомольская улица). Дом этот часто посещал Сергей Есенин в период жизни в Батуме. В 1932 году на месте этого домика построили трехэтажное жилое здание. С помощью жительниц Батуми, имевших комнаты в одном доме с Шаганэ, были восстановлены его планировка и размещение на пересечении городских улиц. Схематический план снесенного здания, подтвержденный четырьмя свидетельницами, останется, возможно, единственным документом, дающим конкретное представление о внутреннем устройстве его.

Упомяну здесь и о другом одноэтажном домике-особняке в Батуми, расположенном на Вознесенской, 9 (теперь — Энгельса, 11). В нем Есенин жил, пока был в Батуме. Отыскать его удалось в том же 1958 году. В 1959 году автором был поднят вопрос об установлении на этом доме мемориальной доски и предложен текст надписи. Он был одобрен. Ряд общественных деятелей и старейших жителей Батуми обратились в городскую газету с открытым письмом «Поддерживаем хорошее предложение» (газета «Батумский рабочий», 1959, № 164). Немало усилий в создание памятника Есенину вложили редактор газеты В. П. Марганидзе и ответственный секретарь Аджарского отделения Союза писателей Грузии Ф. Халваши. 27 сентября 1960 года на доме, где жил С. А. Есенин, была установлена мемориальная доска. Батуми оказался первым городом, увековечившим дом, где жил и работал Сергей Есенин. Не исключено, что грузинские друзья замечательного русского поэта отметят мемориальной надписью и второй дом в Батуми, связанный с его именем.

Итак, в октябре 1958 года была найдена учительница Ш. Н. Тальян и восемь современников, подтвердивших, что персидские стихи в Батуме создавались в 1924 году в период знакомства с ней и для нее. Появилась возможность рассказать о встрече С. А. Есенина и Ш. Н. Тальян языком документального очерка.

ГЕРОИНЯ ЕСЕНИНСКИХ СТРОК

В середине декабря 1924 года преподавательница армянской школы в Батуме Шаганэ возвращалась домой после занятий с малышами. У дверей школы она заметила молодого человека. Быстрый взгляд, брошенный в его сторону, подсказал, что это не местный житель. Не был он и приезжим из Тифлиса. Одежда свидетельствовала, что это либо столичный гость, либо иностранец. Такого рода приезжих в Батуме было немало. Незнакомец не подошел к ней. И мимолетное наблюдение это и последующее умозаключение были бы тотчас вытеснены другими и забыты, если

бы Шаганэ не заметила, что неизвестный стал следовать за нею. Весь путь до дома она чувствовала, что молодой человек сопровождает ее.

Шаганэ избегала случайных встреч. Причины для этого были. Моральные принципы отца, священника и педагога, были строгими. Первые житейские шаги также не обучили ее беззаботности. Одиннадцати лет она лишилась матери, девятнадцати — отца. К тому времени она успела лишь окончить гимназию. Имя ее было Шагандухт. Но звали ее с детства кратко: Шагой или Шаганэ. Оставшись сиротой, девушка должна была найти свое место в жизни.

И Шаганэ нашла его. «В Ахалцыхе,— пишет она,— я посещала кружок большевиков, где слушали мы лекции и доклады... В июне 1920 года в Тифлисе пришла ко мне Маник Степановна и предложила помочь большевикам, находившимся в тюрьме, и их семьям. Получив мое согласие, она познакомила меня с товарищем Асканазом Мравяном» *.

О том, как Ш. Н. Тальян справилась со своей задачей, рассказано в воспоминаниях М. С. Карапетян.

А вот что вспомнила Ш. Н. Тальян об эпизоде с арестом: «Деньги у меня находились в чемодане с потайным двойным дном. И часть — на мне. Когда меня с Маник Степановной спустили мауземисты с поезда, с нами сошли несколько дашнакских офицеров, следовавших в Эривань. Меня спросили, куда я еду. Я ответила — на свадьбу и, открыв чемодан, быстро стала выкладывать свои платья, пудру, помаду и т. д. Дашнакские офицеры, спустившиеся с нами с поезда, стали заступаться за меня».

— Нашли большевичку! — откровенно насмехалась она над своими конвоирами.

«В Эривани я должна была явиться к одной женщине,— пишет далее Тальян.— Она закоулками проводила меня на одну квартиру, где я передала деньги и получила расписку. Шесть раз ездила я в Армению: пять раз в Эривань, один раз в Дилижан. И один раз в Батум. Я была в строгой конспирации. Мне поручали запоминать лишь один адрес и имя. Я перевозила деньги, до-

кументы и письма. Мне Мравян строго-настрого запретил говорить, кто я и от кого. Остальные четыре раза я ехала в Эривань одна. Поездки проходили без происшествий. В Дилижан я возила пакет с письмами и документами моему ахалцыхскому учителю Ягубяну. В Батум я возила письма и документы и передала их грузину по имени Шота».

Осенью 1920 года Шаганэ стала посещать фребелевские педагогические курсы, потом стала учить детишек в подготовительных группах, организовывавшихся тогда в Грузии при армянских школах. Занятия с ребятами ей нравились. Учительница была спокойна и строга, если нужно было требовать выполнения задания, добра и справедлива, если нужно было решать детскую участь. Малыши чувствовали это и отвечали своей первой учительнице любовью.

Внешне она была привлекательна: стройная, изящная, с правильными чертами лица, нежной и чистой кожей. Хороши были волнистые каштановые волосы. И завидно красивыми казались глаза: большие, карие, то насмешливо искрящиеся, то нежно сияющие. В начале 1921 года она была уже замужем за любимым человеком. Налаживалась жизнь. И опять несчастье: через три с небольшим года совместной жизни умер муж. Шаганэ осталась с ребенком на руках. Его нужно было растить.

Приученная с детства к труду, молодая армянка стала истово выполнять новую для нее обязанность одинокой матери-вдовы. Жила она тогда в Тифлисе. Поступить на службу не удалось. С Ашхен, старшей сестрой, и со своим сыном Рубеном выехала в июле 1924 года в Батум, где учительствовала младшая сестра Катя. Здесь Шаганэ устроилась учительницей в нулевую группу армянской школы *, где работала Катя, но сына оставить в Батуме не могла, так как в маленькой комнате, которую снимала сестра, жить с ребенком было очень трудно. Надо было по вечерам работать: проверять ученические тетради, готовиться к занятиям. Да и хозяева дома соглашались принять на квартиру Шаганэ лишь без сына. Сестры решили, что придется Рубену пожить пока в семье Ашхен.

И вот несколько месяцев она уже работает. Вновь как-то налаживается жизнь... Нет, случайные знакомства не для нее. Мир слишком хмур и безрадостен. И ей идет уже двадцать пятый год. Со свойственной молодости опрометчивостью суждений она считала себя уже старой. Будущее казалось утраченным, по крайней мере то, где могло быть личное счастье. Теперь она нужна только сыну.

...Не на шутку встревоженная бесцеремонным преследованием, Шаганэ постаралась возможно быстрее добраться до своей комнаты. Только здесь, за закрытой дверью, увидев себя в зеркале платяного шкафа, она поняла, как далеко от истины ее представление о себе, и громко расхохоталась. Нет, старой-то уж ее никак не назовешь!..

Познакомились они 16... 17 декабря 1924 года. Приезжий оказался Сергеем Есениным. Представил его журналист местной газеты Л. О. Повицкий. Гуляла с сестрой Катей, с Есениным и Повицким вечером по городу-парку. Слушала рассказы о Москве. На другой день Повицкий устраивал у себя на квартире вечер поэзии, на который должны были прибыть журналисты, литературная молодежь. Пригласил он и сестер.

На этом вечере Есенин читал стихи. Молодые женщины льнули к нему. Он интересовался только Шаганэ. Отодвинув одного из журналистов, сел рядом, обнял. Она резко отстранилась. Еле дождалась окончания вечера, чтобы уйти. Повицкий и Есенин проводили ее с сестрой до дому. Расстались сухо.

На следующий день, выйдя из школы, опять увидала поэта на том же месте. Раздражение ее уже прошло. То, что поэт дожидался, было даже приятно. В глубине души она была уверена, что он не придет более. Протянула радушно руку.

«На море шторм,— сказал он, как бы продолжая прерванный разговор,— я не люблю такой погоды. Лучше почитаю вам стихи».

Было пасмурно с утра. На Есенине — синий макентош и шляпа. Они пошли в глубь бульвара, разговаривая. В этот раз поэт прочел свое новое стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». Она

была первой слушательницей. Поинтересовался, понравились ли стихи. Она ответила утвердительно, однако выразила недоумение: какое отношение к теме стихотворения имеет она, Шаганэ? Есенин так же коротко пояснил, что это стихотворение входит в цикл о Персии, который он пишет. Героиня цикла — персиянка. Он назвал ее Лалой, теперь хочет, чтобы имя у персиянки было другое — Шаганэ. Спросил, читала ли она персидские стихи, напечатанные недавно в батумской газете. Не дожидаясь ответа, сказал, что с печатного текста читают не так, как ему бы хотелось. Лучше он сам попробует.

И Есенин прочитал два первых стихотворения цикла.

Скандировал стихи он артистически. Его слушали, затаив дыхание, огромные до отказа набитые залы обеих столиц. Успех мастера художественного слова поддерживало и необычайное обаяние поэзии. Стихи его были глубоки, мелодичны, образны. В них была родная сердцу ширь русских просторов, милая простота кудрявой статной березки, сыновняя преданность Родине, пристрастие к справедливости, ненависть к врагам. Не было еще на Руси, казалось, поэта столь проникновенной лиричности и чародейского владения словом, поэта, достигшего такого живописного воплощения красоты и грусти, силы и мягкости, добродушия и суровости русского характера. Есенин с удовольствием читал свои стихи. Новые стихи, перед их публикацией, он читал много раз.

И сейчас, в пасмурный день, на пустынном бульваре, поэт скандировал свои персидские стихи, отдаваясь их звучанию, вслушиваясь в соответствие формы и содержания.

Никогда более в последующие годы Шаганэ не слышала ничего подобного, когда те же стихи вновь и вновь читались артистами, профессиональными чтецами. Но тогда она только спросила: кто же такая Лала? Ответил, что это имя — вымышленное. Не поверила. Лишь много позже убедилась, что поэт сказал правду. В тот день получила от Есенина в подарок автограф «Шаганэ ты моя, Шаганэ...».

Они продолжали встречаться. «Всегда приходил с цветами,— вспоминает Ш. Н. Тальян,— иногда с розами, но чаще с фиалка-

ми». Они шли по улицам Батума. Город-парк звал на прогулки. Они были заметной парой. Мужчины упрямо и долго провожали ее глазами. Женщины украдкой следили за ним.

Что влекло Есенина к Шаганэ? Она с волнением слушала его стихи, понимала и принимала их, но ни во что, казалось, не ставила его поэтическую известность. Странное дело, это нравилось ему. Она коротко и точно излагала свое мнение о стихах. Это тоже было по душе, он и сам не любил и не умел говорить много. На его взгляд, Шаганэ была как-то очень восточна внешне, подвижна и жизнерадостна. Она любила подшутить над увлечением поэта старыми персидскими классиками, над отношением этих классиков к женщине. Прямота, с которой она отстаивала свой взгляд, трогала его.

Душевная чистота и рассудительность предостерегли Шаганэ от ложного шага при встречах с поэтом: она выбрала и отстояла как раз ту форму взаимоотношений, которая всего более отвечала его уважительному взгляду на женщину. Шага многое рассказала Есенину о себе. Несчастья, которые преследовали ее, взволновали поэта. Казалось, что ей живется еще труднее, чем ему. О подпольной работе ее в годы революции Есенин не знал.

Давно уже утвердилась Советская власть в Армении. Получили заслуженную известность имена борцов за народное дело. Фотографии их печатала пресса, о подвигах их слагались песни. А Шаганэ по-прежнему тихо и незаметно выполняла учительский долг, никому не рассказывая о своих революционных заслугах. И лишь бережно, как память о лучших днях жизни, хранила справку, подписанную членом Арменкома.

Преданность Родине и верность долгу, смелость и самоотверженность, скромность и рассудительность, позволившие ей выполнять трудные и опасные задания профессиональных революционеров в годы дашнакской Армении, остались ее моральным кодексом и в дни мирного труда.

Душевные качества эти не могли не вызывать добрый отклик в сердцах всех, кто встречался с ней в жизни. Не остались они незамеченными и для Есенина и, несомненно, во многом определи-

ли его отношение к батумской учительнице. Поэт увидел в ней черты душевной красоты, соответствовавшие его представлению о прекрасном. Под впечатлением их он и начал, по-видимому, конкретизировать образ героини персидского цикла.

В одну из последующих встреч Есенин прочел Шаганэ стихотворение «Ты сказала, что Саади...», а дней через пятнадцать после того, 4 января 1925 года, написал это стихотворение на обороте фотографии и подарил. В тот же день он преподнес ей книгу «Москва кабацкая» с дарственной надписью, соответствующей простоте и непринужденности их отношений: «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне. С. Есенин. 4.I. 25 г. Батум».

ЕЩЕ ПЕРСИДСКИЕ СТИХИ

В декабре 1924 года — январе 1925 года Есенин написал в Батуме два новых стихотворения для персидского цикла.

21 декабря 1924 года было создано стихотворение «Никогда я не был на Босфоре...» *. Оно стало пятым стихотворением цикла, интересным прежде всего откровенным признанием Есенина, что в Персии он не бывал.

Воображаемая страна, по которой бродили мы вместе с поэтом, читая первые четыре стихотворения цикла, не была страной Хорасана. Мы не смогли бы найти в этих стихотворениях признаков ни средневековой, ни современной страны персов. Разве отразились в них волнения, которыми жили Фирдоуси, Хайям или Саади? Или обычаи, нравы, острые социальные проблемы современной Есенину Персии? Разве образ персиянки Шаганэ, вместивший конкретные черты советской учительницы Ш. Н. Тальян, сопоставим с образом той персиянки, что живет в стихах персидских классиков? Ничуть, конечно.

Но Есенин вел нас по своей воображаемой Персии, не давая повода для сомнений в том, что он в ней не бывал. Мастерство поэта необыкновенно: «персидская» мозаика и «персидское» содержание стихов магически действуют на читателя. В пятом стихо-

творении реализм берет верх над фантазией, автобиографическое — над выдумкой. Поэт впервые признается здесь, что никогда не был ни в Босфорском проливе, у которого стоит город Константинополь, недавняя столица Турции, ни в Багдаде, столице той Персии, современниками которой были великие поэты Фирдоуси, Хайям и Саади. В конце стихотворения он, правда, выражает уверенность, что, пусть ни разу он «не был на Босфоре», он «придумает о нем» (следовательно, и о Персии). И читатель верит ему, и не без оснований. Однако тот же читатель теперь уже твердо знает и другое: Персия, о которой рассказывает поэт, выдумана им от начала до конца.

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...» находит продолжение тема Родины. Мы отмечали уже, что в третьем стихотворении — «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» — поэт сравнивает Рязань и Шираз и отдает предпочтение родной стороне. Противопоставление отечественного иноземному продолжается и в пятом стихотворении цикла. Поэт ведет разговор с персиянкой. Здесь не упоминается имя Шаганэ, оно заменено местоимением «ты». После преемственности, сделанной поэтом в четвертом стихотворении, где местоимение чередуется с именем Шаганэ, это не подлежит сомнению. Но черты персиянки Шаганэ, мы знаем теперь это, взяты у советской учительницы. Поэтому персиянка — близкая, родная. И поэт говорит в первой строфе, что увидел в ее глазах «море, полыхающее голубым огнем», то есть свое, родное море, то море, что есть у берегов Батума. Противопоставляя это море и то, что вливается в Босфор, поэт ведет читателя к мысли: спрашивать о Босфоре не нужно не только потому, что он, поэт, не знает ничего о нем, но и потому, что он безразличен к нему, этому иноземному морю. Не имеет значения, что глаза у учительницы карие, а у персиянки — голубые. Поэт мыслит образами, и натурализм, естественно, неуместен.

Прием антитезы используется в стихотворении и для темы любви. Во второй строфе печаль от того, что не состоялась поездка в Багдад, легко искупается радостью, что есть красавица Шаганэ. Да, он, поэт, не был в Багдаде. Ну и что же? То, что Шага-

нэ прекрасна, что она рядом, разве это мало значит в его жизни?

В последующих строфах контрастность положений, понятий, состояний и образов применена уже для явного курсива темы о Родине. В третьей строфе поэт подчеркивает значение для него Родины тем, что там, в России, он «известный, признанный поэт», а здесь, в Персии, никому и даже любимой персиянке до этого «навеки дела нет». В четвертой строфе он поверяет персиянке печаль по родному краю, просит понять, что в этом нет ничего удивительного. В седьмой строфе вновь возникает жалоба на тоску по родным местам и просьба к персиянке заглушить ее «дыханьем свежих чар». Восьмая строфа повторяет мотив первой, причем противопоставление родного чужому подчеркивается еще и тем, что поэт не видит препятствий, чтобы встать на путь фантазии при рассказе об иноземном и, обращаясь к персиянке, говорит ей: «Я тебе придумаю о нем».

Получает дальнейшее развитие и тема любви. Поэт сравнивает глаза любимой с морем, видит в них голубое пламя, то удивительное сияние, которое восходит к небу над черным морем в жаркий полдень; говорит о красивом стане ее, обращается к ней с ласковыми словами. К Шаганэ здесь отнесены совершенно изумительные в истории любовной поэтики строки:

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Вслед за этим стихотворением Есенин написал «Свет шафранный вечернего края...» — шестое стихотворение цикла. Рассматривая вопрос о его датировке десять лет назад, автор этих строк пришел к выводу, что оно было написано в те же дни, что и предыдущее стихотворение цикла, то есть около 21 декабря 1924 года. М. Вайнштейн в своей работе пришла к аналогичному выводу. Но сейчас оба эти вывода представляются ошибочными.

Точную дату создания стихотворения «Свет шафранный вечернего края...» установить не удалось. Под сохранившимся в ЦГАЛИ

черновым автографом * и под первыми публикациями стихотворения в периодической печати даты нет. В книге Есенина «Персидские мотивы» даты тоже нет. Есенин пробыл в Батуме с 4... 6 декабря 1924 года по 19... 20 февраля 1925 года. Пятое стихотворение цикла, датированное поэтом 21 декабря 1924 года, было отнесено в связи с этим к произведениям, написанным в Батуме. Неизвестно пока, чтобы за период жизни в Батуме поэт куда-либо выезжал из города, не считая Махинджаури. Первая публикация пятого и шестого стихотворений цикла состоялась 18 января 1925 года в газете «Заря Востока». Следовательно, шестое стихотворение цикла было также написано в Батуме, в период времени с третьей декады декабря 1924 года по первую половину января 1925 года.

Сохранилась другая рукопись стихотворений «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет шафранный вечернего края...». Запись сделана черным карандашом на плотной глянцевой бумаге. Над первым из записанных стихотворений — «Никогда я не был на Босфоре...» — стоит общий для двух стихотворений заголовок «Персидские мотивы». Рукопись эта находится у Г. В. Бебутова (Тбилиси).

Под рукописью даты тоже нет. Однако она интересна тем, что по ней, может быть, состоялась публикация стихотворений в газете «Заря Востока». Отправление рукописи из Батума датируется по записи, сделанной на первой странице И. Кукушкиным, батумским корреспондентом газеты: «Прошу сообщить — сколько надо заплатить. 16.I.-25 г. И. Кукушкин». Запись эта была адресована редакции газеты. Чтобы выяснить историю записи, я предпринял в 1959 году поездки в Батум и Тбилиси. Переговорить с Кукушкиным не пришлось, поиски состоялись слишком поздно. Зато был найден А. В. Хосроев, бывший заведующий отделением газеты «Заря Востока» в Батуме, в котором работал и Кукушкин. С помощью Хосроева была восстановлена история записи Кукушкина на автографе.

Оказалось, что Есенин, находясь в Батуме, передавал И. Кукушкину всю свою корреспонденцию для газеты «Заря Востока». Последний переправлял ее в Тифлис. Пользовался он обычно для этой цели услугами проводников железнодорожных поездов, кур-

сировавших на участке: Тифлис—Батум—Тифлис. О связи с редакцией газеты «Заря Востока» А. Хосроев рассказал следующее: «По телефону с Тифлисом я почти не говорил. Почту переправлял с проводником, которому платила редакция за это 5 рублей. Об этом была договоренность с Управлением железной дороги» *. Почта, сданная проводнику, попадала, следовательно, в тот же или на следующий день в редакцию газеты. Вот почему «Персидские мотивы», полученные 16 января 1925 года Кукушкиным от Есенина, могли быть 17 января в редакции, а 18 января — в номере газеты «Заря Востока».

Теперь можно уточнить: шестое стихотворение цикла было написано в Батуме в период с 21 декабря 1924 года по 15 января 1925 года.

В «Литературной хронике» Есенина была указана крайняя возможная дата создания стихотворения «Свет шафранный вечернего края..» — до 16 января 1925 года. Она сохранена и для данной работы **.

В шестом стихотворении цикла — «Свет шафранный вечернего края...» — так же, как и в пятом, не называется имя Шаганэ, оно заменено местоимением «ты».

В произведении развиваются три уже известные нам темы: тема раскрепощения восточной женщины, тема Родины и тема любви.

Тема борьбы с чадрой — ведущая. Поэт говорит, обращаясь к Шаганэ:

Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.

Он высказывает свои предположения о возможных причинах цепкой жизненности этого нелепого обычая: особой потребности женщины в тепле для лица, боязни ее утратить белизну кожи. Указывая на короткий срок молодости и быстрое увядание красоты, он мягко уговаривает персиянку учесть, что в жизни и так «мало счастьем дано любоваться».

Продолжается тема Родины. Поэт отмечает, что по-прежнему:

Сердцу снится страна другая.

Развивается и тема любви к женщине. Вся тональность стихотворения — мягкая, сердечная — свидетельствует о добром и уважительном отношении поэта к Шаганэ. Он ласково и нежно зовет ее: «дорогая».

Анализ и сопоставление имеющихся в ЦГАЛИ автографов пятого и шестого стихотворений цикла косвенно подтверждают сделанные выше выводы о датировке стихотворения «Свет шафранный вечернего края...».

Беловой, с незначительными исправлениями, автограф стихотворения «Никогда я не был на Босфоре...» * записан хорошо отточенным химическим фиолетовым карандашом. Тем же карандашом сделана правка в четвертой строфе. Заголовок «Персидские мотивы» и правка в шестой строфе сделаны простым черным карандашом, по-видимому, позднее. Этим же карандашом поставлена между заголовком и первой строфой цифра «I». Справа вверху листа написана еще цифра «I» — тоже черным, но уже отточенным карандашом. Из этого следует, что запись была сделана для редакции и входила в комплект из двух-трех стихотворений.

Для записи использована писчая бумага в линейку, размером 208×262 мм. Запись велась не вдоль, а поперек линеек. Автограф этот, скорее всего, записан был в Батуме. В нем третья строка седьмой строфы читается: «Чтобы я о нежной северянке...». Во всех публикациях эта строка печатается так: «Чтобы я о дальней северянке...».

Черновой автограф шестого стихотворения записан простым черным карандашом на гладкой (без линеек) серой бумаге, типа оберточной. Запись сделана на двух одинаковых листах, размером 180×218 мм. Они были сперва пронумерованы синим карандашом цифрами «1» и «2». Затем эта нумерация была зачеркнута черным карандашом, и листы под номерами «3» и «4» вошли в комплект автографов персидских стихов, оказавшихся в ЦГАЛИ.

Ясно, что поэт работал над стихотворениями в разное время,

и промежуток времени между записями настолько велик, что использованы были при этом и разная бумага и разные карандаши.

В январе—феврале 1925 года Есенин продолжает работать над персидским циклом. В этот период им были подготовлены в какой-то мере девятое и десятое стихотворения цикла: «В Хороссане есть такие двери...» и «Голубая родина Фирдуси...». Ш. Н. Тальян вспоминает: «Я знала, что Есенин пишет цикл «Персидские мотивы», вопросов ему не задавала, так как, написав очередное стихотворение, он приносил и читал его мне. Перед отъездом он продекламировал мне последнее стихотворение «Голубая родина Фирдуси...» *. Однако это были, по-видимому, черновые редакции. Поэт находил, что стихи еще не готовы для печати.

Реальная жизнь Есенина идет своим чередом. Он напряженно работает над поэмой «Анна Снегина», доволен успешным осуществлением своего замысла. Создание этой поэмы — его основная творческая задача в батумскую зиму. Но он думает и о персидском цикле и продолжает готовить поездку на Ближний Восток: в Персию или в Турцию. По его мнению, все складывается так, что поездка эта не состояться не может. Затруднение возникнет лишь в том случае, если не будет денег. И все его усилия в этот период устремлены к тому, чтобы выручить побольше денег за будущую поэму. 20 января он пишет Бениславской: «Скажите Вардину **, может ли он купить у меня поэму 1000 строк. Лиро-эпическая. Очень хорошая. Мне 1000 рублей нужно будет на предмет поездки в Персию или в Константинополь». Турция ему, в конце концов, и не нужна. Это ему ясно. Через шесть дней он пишет об этом Вержбицкому: «В Константинополь я думал так съездить, просто ради балагурства. Не выйдет — жалеть не буду, а вообще начинаю немного собираться обратно. На пути заеду».

Он начинает уставать от непривычного режима жизни. Появляется ощущение неустроенности, которое он зовет то скукой, то тоской. «Мне здесь дьявольски надоело,— пишет он Бениславской.— ... Здесь очень скверно... Батум хуже деревни. Очень маленький, и все друг друга знают наперечет». Двери домика на

Вознесенской распахиваются настежь. Скучно: бильярд. Тошно: ночной ресторан «Монако».

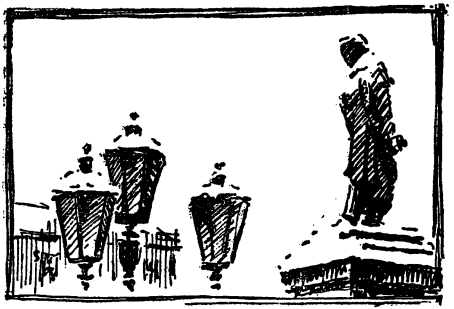
Продолжаются встречи с батумской учительницей: спокойные, дружеские. 26 января 1925 года поэт пишет Вержбицкому запоздалые строки: «Завел новый роман». Это, конечно, сказано к слову. По существу никакого романа нет: охотно встречаются уважающие и хорошо понимающие друг друга люди.

О любви Есенин уже не говорил. Позднее он зовет Ш. Н. Тальян то в Москву, то в Персию. О характере будущих взаимоотношений речи нет. А Шаганэ не могла не думать о судьбе сына. Сказала об этом с привычной прямотой.

19... 20 февраля 1925 года Есенин уехал из Батума. Они расстались. В памяти у поэта навсегда осталась молодая батумская учительница, девочка-мать, которой он был обязан чудесным чувством гордой дружбы-любви. Под этим впечатлением он и создал героиню цикла персиянку Шаганэ, обессмертив женщину, ставшую ее прообразом.

●

СНОВА В СТОЛИЦЕ



Возвратился Есенин в Москву 1 марта 1925 года.

В пути и в Москве после приезда окончательно выкристаллизовываются тексты девятого и десятого стихотворений персидского цикла: «В Хороссане есть такие двери...», «Голубая родина Фирдуси...». В Москве он отделывает и поэму «Анна Снегина».

После 3 марта 1925 года и стихи и поэму он отправляет в Баку П. И. Чагину *. В письме просит его: «Вышли деньги мне: за поэму, которую я тебе посылаю — «Анна Снегина» и за два стихотворения — «Персидские мотивы». Одновременно поэт передает эти стихи Бениславской для публикации их в московской прессе **. О передаче их в Москве напоминает ей позднее в своем письме.

Окончание работы над стихотворениями «В Хороссане есть такие двери...» и «Голубая родина Фирдуси...» мы относим поэтому к Москве и датируем 1... 3 марта 1925 года ***. Ясно, что если бы стихи эти были доработаны раньше, в Батуме, то, во-первых, ничто не помешало бы поэту послать их в ту же газету «Бакин-

ский рабочий» из Батума в середине февраля 1925 года, и они дошли бы до редакции и были бы опубликованы значительно быстрее; во-вторых, ничто не могло бы помешать поэту передать их редакции 22... 26 февраля 1925 года, когда он останавливался в Баку по пути в Москву. Окончание работы над стихами именно в эти дни ясно также из сопоставления даты написания — «Март. 25 год» — под первой публикацией их в газете «Бакинский рабочий» и даты отправки Есениным стихов редакции этой газеты (см. выше). Дата написания, помещенная в публикации, была проставлена, несомненно, Есениным под автографом, отправленным им газете после 3 марта 1925 года. Он не сохранился, но нет никаких оснований предполагать, что эту датировку внесла редакция газеты: сотрудники ее отлично знали значение точной публикации есенинского стихотворения.

Стихотворения эти близки по содержанию: в них четко обозначены и идут параллельно две темы: о любви и о Родине. Сближает девятое и десятое стихотворения и третья, общая для них тема прощания с Персией и с персиянкой Шаганэ. Похоже, что поэт, задумав написать двадцать стихотворений, останавливается теперь на объеме цикла в десять стихотворений, и, не имея еще седьмого и восьмого промежуточных, пишет последние стихи цикла. Вероятно, поэт твердо решил издать в 1925 году стихи отдельной книгой. При этом цикл имел бы тематическую законченность.

В стихотворении «В Хороссане есть такие двери...» — девятом стихотворении цикла — Есенин вновь возвращается к имени персиянки Шаганэ (Шаги), чередует его с местоимением «ты», подчеркивая этим, что в предшествующих промежуточных стихах цикла он говорил тоже о Шаганэ, хотя и не называл ее по имени в целях устранения монотонности обращения. Он ласково говорит о «задумчивой пери», о том, что голос ее — «нежный и красивый», что она дала ему, поэту, «красивое страдание». Конкретизируя образ персиянки, он вводит в характеристику взаимоотношений с нею мотивы романа, отмечает, что не смог найти доступ к сердцу персиянки; он озадачен, спрашивает: «зачем» и «кому»

ему, поэту, «песни петь», если равнодушна к ним Шага? Эта мысль пронизывает все стихотворение. Многократно усиливает и умножает впечатление от нее повторяющаяся строка: «но дверей не смог я отпереть». Лишь слегка варьируемая поэтом, эта мысль повторяется в первой и пятой строке первой строфы, в четвертой строке третьей строфы и во второй строке пятой заключительной строфы произведения. Шаганэ достигает несравненно большего успеха, чем все другие женщины, к которым было расположено сердце поэта: он не может забыть ее. И потому, уезжая из Батума, говорит ей:

Про тебя на родине мне петь.

Тема любви к Родине выражается четко и ясно в четвертой строфе стихотворения. Поэт вновь противопоставляет Персию России и, несмотря на величие страны классической лирики, отдает безоговорочное предпочтение родной стороне:

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

Тема прощания со страной роз и ее жительницей Шаганэ возникает в девятом стихотворении цикла впервые. Впрочем, прощание с персиянкой не кажется поэту окончательным: «До свиданья, пери, до свиданья»,— говорит он дважды в пятой строфе. Сложнее обстоит дело с Персией, которая здесь символизирует, естественно, и работу поэта над персидским циклом. Совсем ли поэт расстался с ней или вернется к ней снова, он еще не знает.

В стихотворении «Голубая родина Фирдуси...», десятом стихотворении цикла, он продолжает чередовать имя Шаганэ (Шаги) с местоимением «ты». Поэт называет персиянку: «дорогая Шага», надеется, что она не сможет забыть приезжего «уруса», уверяет ее сам, что «навеки» забыть не сумеет, поэтому и дальше будет рассказывать о ней в стихах своих. Конкретизируя и углубляя в обра-

зе персиянки черты из жизни батумской учительницы, поэт, знавший трудную судьбу ее, ряд жизненных катастроф, постигших ее еще в юном возрасте, говорит, полемизируя, возможно, с ее настроением:

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

И опять-таки в противопоставлении сыновнего чувства Родины всякой беде, в непреходящем величии этого чувства, в сравнении с которым все другие ощущения малозначительны, звучит и множится тема Родины и в этом стихотворении.

В стихотворении завершается тема прощания с Персией, которую поэт называет здесь «родиной Фирдуси». Кажется, что он уже исчерпал персидскую тематику цикла и это — последнее стихотворение его. Такое впечатление закрепляется прощальным акцентом третьей строфы стихотворения:

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Законченность цикла этим стихотворением подкрепляется и воспоминаниями Ш. Н. Тальян о том, что стихотворение «Голубая родина Фирдуси...» поэт читал ей в Батуме последним.

Однако будущее показало, что это далеко не так. Позднее поэт продолжил персидский цикл.

В заключение отметим, что в десятом стихотворении цикла вновь подчеркивается сожаление о том, что ему не пришлось побывать в Персии. Поэт говорит:

Хороша ты, Персия, я знаю.
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Персия — страна роз. Вот почему батумские розы, о красоте которых так образно говорит Есенин, напоминают ему об эфемерной стране, где возможны и творческое вдохновение и забвение от жизненных забот.

В ЦГАЛИ сохранились автографы этих двух стихотворений *. Это — почти беловые рукописи, в которых мы найдем относительно небольшое число поправок. В комплекте «Персидские мотивы» они идут одно вслед за другим (л. 6, 7). Стихотворение «В Хороссане есть такие двери...» написано простым черным, хорошо отточенным карандашом на одной стороне листа бумаги размером 215×353 мм. Бумага — тонкая, типа газетной. Стихотворение «Голубая родина Фирдуси...» написано таким же карандашом, но на другой бумаге: белой, гладкой, хорошего качества. Лист размером 144×320 мм вырван из блокнота. Слева, в нижней части листа, стоит дата «1925 г.», отчеркнутая двумя прямыми, образующими с кромками листа прямоугольник.

В первой половине марта 1925 года он читал «Анну Снегину» и «Персидские мотивы» в Доме Герцена на кружке «Перевал». Поэма не имела успеха. «Потом,— вспоминает В. Наседкин,— читал «Персидские мотивы». Эти стихи произвели огромное впечатление. Талантливейший лирик и чтец снова владел своей аудиторией». Другой свидетель этого выступления Есенина, С. Фомин, пишет: «Прочитал он цикл стихов из «Персидских мотивов» и поэму «Анну Снегину», посвященную А. Воронскому. У Есенина на левой руке, по-пушкински, на большом пальце блестел сердоликовый перстень, в голосе звучала грусть. Особенно сильное впечатление произвели на слушателей «Персидские мотивы».

Есенин очень энергичен в эти первые дни после приезда в Москву. Он договаривается с М. Кольцовым о включении в биб-

лиотеку журнала «Огонек» сборника своих стихотворений, подписывает соглашение с частным издательством «Современная Россия» о выпуске книги «Персидские мотивы». Уславливается о составе изданий.

В книгу «Персидские мотивы» войдут десять стихотворений персидского цикла, поэма «Мой путь» и четыре стихотворения: «Отговорила роща золотая...», «Сукин сын», «Этой грусти теперь не рассыпать...», «Низкий дом с голубыми ставнями...».

У него готовы пока восемь стихотворений цикла. Остальные два он обязуется дослать издателю.

О том, как происходили переговоры, возможно, об издании книги «Персидские мотивы», рассказывает Бениславская: «Я условилась с частным издателем П. Берлиным продать ему эту вещь за 1000 рублей. Предупредила об этом Сергея Александровича. Пришел Берлин к Есенину и опять завел разговор об издании. В конце разговора предлагает за книжку не 1000 рублей, а всего 600 рублей. И Сергей Александрович, робкий и неуверенный, смущенно соглашается. Пришлось вмешаться в разговор и напомнить о том, что уже условлена за эту вещь 1000 рублей. Тогда Сергей Александрович неопределенно заявляет: — Да, мне, все-таки, кажется, что 600 рублей мало. Надо бы больше.— Выпроводив поскорее Есенина, чтобы можно было вести переговоры о гонораре без него, возвращаюсь в комнату» *.

Так или иначе Есенин успешно осуществляет в Москве свои замыслы. Однако столичная атмосфера снова вводит его в колею богемной жизни. Поэт хочет уйти от нее. «Дела мои великолепны,— пишет он 6 марта 1925 года Вержбицкому,— но чувствую, что надо бежать, чтоб еще сделать что-нибудь».

В последующие дни он пишет много стихов, а также работает над подготовкой к выпуску альманаха «Поляне», редактором которого был назначен. «Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере,— писал он 20 марта 1925 года Тициану Табидзе в Тифлис,— тут же качу обратно к вам, увидеть и обнять Вас». 27 марта он вместо Тифлиса выехал в Баку.

НА ЗЕМЛЕ БАКИНСКОЙ

В ГОСТЯХ У ЧАГИНА

Всю свою недолгую жизнь Сергей Есенин учился. Образование он получил небольшое. По наиболее авторитетному для нас свидетельству, личному мнению поэта, из всего периода учебы не вынес он ничего, «кроме крепкого знания церковно-славянского языка». В автобиографии своей Есенин подчеркивает: «Это — все, что я вынес». Он имел возможность со всей полнотой оценить суть этих строк, они были написаны за полтора года до смерти.

Есенин хотел быть первым русским поэтом. Он знал, что от природы ему дано безмерно много. Знал и то, что ему нужно постоянно совершенствоваться. Редчайший самородок трудовых недр народных, он, как и Горький, прошел свои университеты самоучкой. Есенин мог с полным правом написать об этом свою собственную автобиографическую книгу.

Он обладал цепкой памятью, неиссякаемым трудолюбием и большим терпением. Достигнув многого, он все-таки очень придирчиво и самокритично оценивал свои познания.

Есенин был лириком. Многое из того, что создано им до сих пор, было прекрасным. Он знал это. Но будет ли его поэзия жить долго? Почему пережило века поэтическое наследие Петрарки, Данте, Шекспира? Почему неувядаемо прекрасным остается для потомков далекое творчество персидских лириков X—XV веков? В чем секрет долголетия поэтической ткани?

Надежда выехать в Персию не остывала в душе Есенина. Он хотел побывать в Ширазе, городе, давшем миру Саади и Хафиза, побродить по улицам этой поэтической Мекки. Намерен он был съездить и в Тегеран, и в Мешхед, и в Фердоус, и в другие города Персии, чтобы встретиться с современными поэтами этой страны, послушать народных певцов и знатоков старины. Все это нужно было ему, чтобы разведать секрет неувядаемости персидской поэзии, чтобы научиться искусству делать вечные стихи.

Чагин не отказывался помочь в выезде в Персию. Есенин верил его обещанию. Правда, до сих пор все попытки в этом направлении терпели крах. Месяц назад, на пути из Батума в Москву, он останавливался в Баку, чтобы переговорить об этом с Чагиным. Но разговор не состоялся: Чагин был в это время не в Баку, а в Москве. Приехав в столицу, поэт не встретился с Чагиным и здесь: на следующий день редактор газеты выехал в Баку. В письмах же всего не скажешь. И вот он едет в Баку, чтобы встретиться с Чагиным и осуществить, наконец, свою мечту. Это была шестая поездка Есенина с тайной надеждой пробраться в Персию.

В конце марта — начале апреля 1925 года Есенин бродил уже по улицам Баку.

Остановился он у Петра Ивановича Чагина. «Внимание ко мне здесь очень большое,— писал Есенин 8 апреля 1925 года Бениславской,— Чагин меня встретил, как брата. Живу у него. Отношение изумительное».

В начале апреля 1925 года Есенин создает «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото текучее луны...», седьмое и восьмое стихотворения персидского цикла. Автографы этих стихотворений не разысканы. В «Собрании стихотворений» (1926—1927) оба эти

произведения датированы 1924 годом (т. 1, стр. 289, 291). «Собрание сочинений в пяти томах» (1961—1962) относит их к 1925 году, никак не уточняя эту датировку в примечаниях (т. 3, стр. 235).

Мы уже знаем, что работа над девятым и десятым персидскими стихотворениями была окончена Есениным в Москве 1... 3 марта 1925 года и что при заключении договора на издание книги «Персидские мотивы» у поэта, в марте 1925 года, было лишь восемь готовых стихотворений персидского цикла.

О том, что «два новых персидских стихотворения» нужно поместить перед девятым и десятым, сданными в Москве, что седьмое и восьмое стихотворения в столице до 27 марта 1925 года, следовательно, не были написаны, мы узнаем из указаний Есенина Бениславской в письме от 11—12 мая 1925 года о порядке размещения стихотворений в книге «Персидские мотивы».

Стихотворения «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото текучее луны...» под заголовком «Персидские мотивы» были напечатаны впервые 13 апреля 1925 года в газете «Бакинский рабочий», № 82. Под публикацией этой дата написания не проставлена. Но можно ограничить, следовательно, время написания обоих стихотворений периодом с 28 марта по 11 апреля 1925 года.

Однако поэт отослал их Бениславской скорее всего еще с письмом от 8 апреля 1925 года. «Для Вас у меня,— писал Есенин в этом письме,— уже есть стихи». Вряд ли, вместе с тем, стихи писались во время переезда из Москвы в Баку: переезд этот был беспокойным — поэта обокрали в поезде. В связи с этим период времени, в который стихи могли быть написаны, еще сужается. В настоящей работе создание стихотворений «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото текучее луны...» датируется 1... 7 апреля 1925 года.

Новые персидские стихи прекрасны. Как и прежде, это шедевры есенинской лиры. Но эмоциональная окраска их уже не сливается с общей оптимистической тональностью первых восьми персидских стихотворений, родиной которых были Тифлис, Батум и Москва.

В седьмом стихотворении звучит тема красоты мира, находит продолжение тема любви.

Ритмика этого стихотворения очень музыкальна. Она, возможно, больше даже, чем прежде, завораживает слух. Она весьма пластична, и воображение каждого вольно лепить из нее все, что сумеет. Здесь волшебство поэтического дара Есенина сравнимо лишь, может быть, с музыкальным гением Чайковского. Но риторика — холодная, бестрепетная, отрешенная.

Клара Эриховна Чагина, жена П. И. Чагина, вспоминает о первом периоде жизни Есенина в Баку: «Он очень много работал, пил мало» *. Однако было, что и пил. «Ранней весной 1925 года,— свидетельствует А. К. Воронский, редактор журнала «Красная новь»,— мы встретились в Баку. Есенин собирался в Персию: ему хотелось посмотреть сады Шираза и подышать воздухом, каким дышал Саади. Вид у Есенина был совсем не московский: по дороге в Баку, в вагоне у него украли верхнее платье, и он ходил в обтрепанном с чужих плеч пальтишке. Ботинки были неуклюжие, длинные, нечищенные, может быть, тоже с чужих ног. Он уже не завивался и не пудрился. Друзей, бережно и любовно относившихся к нему, у него было довольно. Жил он у Чагина, следившего за его лечением, но показался в те дни одиноким, заброшенным, случайным гостем, неведомо зачем и почему очутившимся в этом городе нефти, копоти и пыли, словно ему было все равно куда приткнуться и причалить.

Мы расстались на набережной. Небо было свинцовое. С моря дул резкий и холодный ветер, поднимая над городом едкую пыль. Немотно, как древний страж веков, стояла Девичья башня. Море скалилось, показывая белые клыки, и гул прибоя был бездушен и неприютен. Есенин стоял, рассеянно улыбался и мял в руках шляпу. Пальтишко распахнулось и неуклюже свисало, веки были воспалены. Он простудился, кашлял, говорил надсадным шепотом и запахивал то и дело шею черным шарфом. Вся фигура его казалась обреченной и совсем не нужной здесь. Впервые я остро почувствовал, что жить ему недолго и что он догорает.

В загородной даче, опившийся, он сначала долго скандалил и

ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю. Остались одни лишь стихи. Я все отдал им, понимаешь, все. Вон — церковь, село, даль, поля, лес. И это все отступилось от меня.— Он плакал больше часа» *.

Что удивительного, если в стихах Есенина отразилось это тяжкое настроение его.

Следует отметить добрую роль Чагина в судьбе поэта. Он постарался не спеша, незаметно (никакого явного нажима Есенин не потерпел бы) познакомить его с бьющей ключом трудовой жизнью Баку. Это, несомненно, успокоило поэта, оздоровило его душу, внесло в его жизнь новые интересы.

Есенин бродит по задымленному, пропахшему нефтью городу. Коричневая россыпь ветхих лачуг на склонах залива и панорама современных зданий в новой строящейся части города. Строгий мулла в мечети и улыбчивый чайханщик в чайхане. Закрытые чадрой головы женщин в черных одеждах и бронзовые обветренные лица рабочих в брезентовых робах. Цирюльник с ножом вместо бритвы, работающий на улице, и современная парикмахерская, только что открытая в новом доме. Смешение старого и нового. В Батуме эта смесь не бросалась в глаза, город умиротворял своей небрежной праздной жизнью. Здесь было иначе.

Он ездит смотреть, как добывают нефть, посещает рабочие поселки. Деловой ритм покоряет его. Он чувствует, что у столицы Азербайджана надежное рабочее сердце. «Много беседовали с рабочими,— вспоминает П. И. Чагин,— которые его знали и любили».

Встречи с трудовым людом, кипучая, веселая и добрая энергия Чагина благотворно действовали на Есенина.

Восьмое стихотворение цикла он создает почти в прежнем эмоциональном ключе. В стихотворении звучит также тема красоты жизни. Холодная отрешенность риторики сменяется вмешательством дидактики. Идет борьба активного и пассивного. Поэт

как будто ощущает радость от красоты окружающего и зовет нас разделить ее и даже приглашает пожалеть тех, кому в жизни «ничего не надо». Но тональность «золота текучего» луны, «отзвеневшего» сада и горечи душевной тех, кто уже все утратил, по-прежнему довлеют над сознанием нашим, вопреки желанию поэта. Печаль ладана и тления и буйная радость жизни находятся в неустойчивом равновесии, балансируют на тонкой грани, и перевес того или другого начала зависит во многом от настроения самого читателя.

8 апреля он создает еще одно стихотворение персидского цикла: «Голубая да веселая страна...». По данным «Собрания сочинений в пяти томах», беловой и черновой автографы, хранящиеся у П. И. Чагина, имеют посвящения: «Гелии Николаевне» и «Гелии Николаевне Чагиной». Кроме того, беловой автограф имеет заглавие «Подражание Омар Хаяму» и дату — «8.IV-25. Баку». На полях чернового автографа есть приписка: «Гелия Николаевна! Это слишком дорого. Когда увидите мою дочь, передайте ей. С. Е.».

Стихотворение «Голубая да веселая страна...» * поэт включает в персидский цикл последним (пятнадцатым). На беловом автографе, хранящемся в ЦГАЛИ, есть надпись: «Конец «Персидских мотивов» **. Стихотворение записано простым черным карандашом на листе газетной бумаги, размером 220×353 мм.

В стихотворении этом развиты две темы: тема дружбы-любви и тема значимости творчества в жизни поэта. Первая раскрывается в традиционной манере персидской классики: сказка о розе и соловье чередуется с рассказом о дружбе поэта и ребенка. У Чагина есть дочь, шестилетняя девочка Роза. Ее голос часто звенит в квартире, где живет теперь поэт. Она серьезна не по годам, мечтает стать актрисой, просит звать ее Гелией Николаевной в честь понравившейся ей, возможно, какой-то артистки. Есенин любит детей, умеет не выделяться в их обществе. Он очень тактично относится к желанию маленькой девочки: зовет ее так, как она хочет. Даже в письмах к Чагину он называет ее то Гелией Николаевной, то Розочкой. Их связывает теплая дружба. «Вспоминается мне,— рассказывает Роза Петровна Чагина,— белокурый, молодой,

светлоглазый, красивый дядя. Очень хорошо относился ко мне, с лаской и заботой. Играл по-своему: ставил на голову себе свой бритвенный прибор, брал меня за руки и танцевал со мной. Или становился на четвереньки, я взбиралась ему на спину, и он катал меня по комнате. Часто купался со мной в бассейне. Клал меня на автомобильную камеру, а сам плавал около меня, брызгал водой или брал на руки и учил меня плавать. Иногда играл со мной в театр. Я изображала из себя актрису и очень любила называть себя Гелия Николаевна (почему и откуда я взяла это имя, ни я, ни мама не помним). Часто я изображала телефонный разговор, и мы с ним переговаривались. Он называл меня: Гелия. И я радовалась.

Однажды он и посвятил мне свое стихотворение «Голубая да веселая страна...» (автограф этого посвящения находится у моего отца — Чагина Петра Ивановича).

Сергей Александрович очень любил животных. Ему кто-то преподнес ежика. Конечно, он не преминул подарить его мне. Назвали мы его Махрюткой. Он долго жил у нас (в городе) под шкафом и откликался на свое имя. Поехав на дачу, мы взяли его с собой. Когда Сергей Александрович приехал к нам на дачу и узнал, что ежик тоже привезен, стали искать его по дому и по саду, но так и не нашли. Тогда Сергей Александрович, чтобы утешить меня, принес лисичку, и сказал, что купит и ошейник, и вместе со мной поведет ее гулять по городу. Но из этого ничего не вышло, так как лисичка вырвалась и прыгнула на буфет, с него — на письменный стол и т. д. Еле поймали ее и посадили на ремешок, который она быстро перегрызла; и вновь началась погоня за ней по всему дому. Так и пришлось, несмотря на глубокие сожаления Сергея Александровича, отдать ее (кстати, лисичка эта оказалась шакалом, хоть и была очень красивой). Баловал меня Сергей Александрович и детскими игрушками, и сластями, и сказками» *.

Так появляется в стихотворении «Голубая да веселая страна...» новое женское имя: Гелия.

Очень мягко дается вторая, крайне важная тема: о роли и

значении творчества в жизни поэта. Подчиненность всех жизненных интересов и даже моральных принципов созидательному процессу отмечается в первой строфе строчкой:

Честь моя за песню продана.

Это выражение кажется поэту недостаточно сильным и точным. В последней строфе стихотворения поэт указывает на полную подчиненность всех жизненно важных процессов одному — творческому:

Пусть вся жизнь моя за песню продана.

Прием кольцевания, использованный поэтом, усиливает акцент на эту тему, несмотря на известную приглушенность ее в стихотворении.

В мае книга «Персидские мотивы», по-видимому, уже на выходе*. 11 мая Есенин написал Бениславской из Баку длинное письмо, в котором просил: «Книжку «Рябиновый костер»** посвятите всю целиком Чагину. Надпись: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину...»... 2 новых персидских стихотворения поместите перед теми 2-мя последними, что сдал Вам дома: перед «Пери»*** и «Голубая родина Фирдуси...» Вместо «Я с тобой несчастий не боюсь...»**** нужно: «Я твоих...». Была описка».

В Москве при подготовке книги «Персидские мотивы» к изданию Есенин расположил восемь имевшихся тогда стихотворений цикла в определенном порядке. Сейчас он давал указание о порядке включения в книгу еще двух стихотворений. Бениславская должна была поместить их перед двумя стихотворениями, полученными от поэта в Москве: «В Хороссане есть такие двери...» и «Голубая родина Фирдуси...». Это указание было выполнено Бениславской, вероятно, неточно. Персидский цикл в составе десяти стихотворений вошел в книгу с расположением их в следующем порядке: 1. «Улеглась моя былая рана...». 2. «Я спросил сегодня у менялы...». 3. «Шаганэ мы моя, Шаганэ...». 4. «Ты сказала, что Саади...». 5. «Никогда я не был на Босфоре...». 6. «Свет

шафранный вечернего края...». 7. «Воздух прозрачный и синий...». 8. «Золото текучее луны...». 9. «Голубая родина Фирдуси...». 10. «В Хороссане есть такие двери...». Как видим, девятое и десятое стихотворения цикла поменялись местами. Это противоречит порядку, в котором они были опубликованы в периодической печати, и желанию поэта, ясно выраженному в его письме. Было ли это своеволием издателя, исправить которое Бениславская не успела, или поэт давал о том какое-то новое указание, мы не знаем. Когда в сентябре 1925 года Есенин будет участвовать в подготовке «Собрания стихотворений», он поместит девятое и десятое стихотворения цикла в том порядке, какой наметил в письме от 11—12 мая 1925 года.

Поэзией Сергея Есенина интересуется С. М. Киров. От Чагина, неизменного поклонника есенинской поэзии, он много слышит о поэте, о его мечте побывать в Персии.

Есенин продолжает верить, что днями вылетит в Персию. «Главное в том,— писал он 8 апреля 1925 года Бениславской,— что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже... Я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза».

Но Киров был против этой поездки. Он понимал значение поэтического дара Есенина для России, знал о неуравновешенности поэта в бытовой обстановке, и поездку в полуфеодальную страну с суровыми догмами нравственного поведения считал опасной для его жизни. Поэтому он не разрешил Чагину выполнить слово, данное поэту. В начале мая 1925 года было окончательно решено создать Есенину обстановку, аналогичную персидской, на одной из бывших ханских дач в Мардакянах. Вот что рассказывает об этом П. И. Чагин:

«Первомай того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых поселков,

а затем — рабочие народные гулянья. Взяли с собой в машину, где были секретари ЦК Азербайджана, Сергея Есенина.

...Вместе с партийными руководителями ходил он по рабочим казармам, читал рабочим стихи, пел частушки. После этого поехали на дачу в Мардакянах под Баку, где Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задушевно читал только что начавшиеся печатаньем стихотворения из цикла «Персидские мотивы». Киров, человек огромного эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, которые его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай же. Чего не хватит — довообразит». И вот уже на следующий день я такую иллюзию создал. Поселил его на одной из лучших бывших ханских дач, с огромным садом, фонтанами и всяческими восточными затейливостями,— ни дать, ни взять Персия!».

В конце мая 1925 года Есенин вернулся в Москву.

Он решает жениться на С. А. Толстой, внучке Л. Н. Толстого, великого русского писателя. Бениславская находит этот шаг опрометчивым, да и Есенин не уверен, что поступает правильно. Словно злой и беспощадный вихрь несет поэта в мглу будущего. В эти дни Есенин писал Вержбицкому: «Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ! До реву хочется к тебе, в твою тихую обитель на Ходжорской, к друзьям... С новой семьей вряд ли что получится — слишком все здесь заполнено «великим старцем». Его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня. Когда отправлюсь, напишу. Заеду в Баку, потом Тифлис».

Есенин уже ничего не различает впереди и не в силах управлять своими поступками. Поэт порывает с Бениславской, другом,

равного которому в его жизни не было. Она не выдерживает последнего удара, уходит. Он знает, что это конец всему, может быть, конец самой жизни.

25 июля 1925 года С. А. Есенин и С. А. Толстая выезжают в Баку.

НА ХАНСКОЙ ДАЧЕ

Они поселились на даче в местечке Мардакяны, находящемся в 32 километрах от Баку. Вот что вспоминает К. Э. Чагина о приезде столичных гостей: «В связи с болезнью свекрови мы в том году очень рано выехали в Мардакяны на дачу. Врачи велели ее срочно вывезти, и мы, можно сказать, первыми открыли дачный сезон. Было тихо. Дача была колоссальная: стройная тополевая аллея, несколько бассейнов. Один бассейн был очень красив, прямо сказочен. Он был огорожен круглой высокой каменной стеной, с чугунной витой решеткой наверху. Надо было подняться на высоту целого этажа по ступенькам до двери, ведущей в бассейн, которая запиралась, так как бассейн был очень глубок, и дети могли затонуть в нем. Я остановилась на описании этого бассейна особо, так как Есенин часто в нем купался. В один прекрасный день раздается телефонный звонок. Подняв трубку, я вновь услыхала голос Сергея Александровича, возвещавшего о своем вторичном приезде, на этот раз с женой — Софьей Андреевной Толстой.— Видите,— говорит он,— не могу долго жить без Баку и бакинцев, опять приехал к Вам.— Чувствую, хочется ему к нам, на дачу. Ну, муж, естественно, пригласил их, и они приехали» *.

Прожили они здесь немногим более месяца. Есенин был намерен полностью закончить в Бажу персидский цикл стихотворений. Из намеченного объема его в двадцать стихотворений было создано уже одиннадцать и опубликовано десять. Надо было написать еще девять стихотворений. Эту задачу он и наметил выполнить тут, на бывшей ханской даче.

В первой пятидневке августа 1925 года Есенин написал два стихотворения: «Быть поэтом — это значит тоже...», «Глупое сердце, не бейся...» *. Они станут потом, соответственно, одиннадцатым и четырнадцатым стихотворениями персидского цикла.

Автографы этих стихотворений пока не найдены.

Темой одиннадцатого стихотворения цикла Есенин избрал остро полемический вопрос о правде поэтического слова и, следовательно, об особой миссии поэта в жизни. Поэт формулирует в этом стихотворении свое кредо: писать честно, говорить, не боясь никого, чтобы «правду жизни не нарушить», как бы это ни было больно самому и какую бы это не вызвало критику. И, кроме того, не подражать, а излагать своим языком свое же собственное. Иллюстрируя эту мысль, поэт сравнивает канарейку и лягушку и отдает предпочтение последней: она пусть и незадачливо поет свою песню, но зато делает это, как может, «по-свойски», а не «с голоса чужого». Отсюда возникает вопрос об особой миссии поэта в жизни. Есенин полагает, что поэт не только обязан иметь свой собственный голос, но имеет право и на свои желания, на свою особую жизнь. Это обычно встречает сопротивление. Оттого у поэта трудный путь, путь неустроенного в жизни человека, скитальца, беспечного бродяги, который испытал уже все на свете и поэтому никогда не узнает душевной катастрофы:

Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

В четырнадцатом стихотворении звучит тема рока. В конце предшествующей главы мы отмечали, что жизненная ладья поэта в этот период как бы утратила управление и, гонимая шквалом, несется по бушующему морю, готовая в любую минуту скрыться в его пучине. Отсюда лейтмотив стихотворения: «Глупое сердце, не бейся!» Строка эта кольцует все строфы и, кроме того, стихотворение в целом, отчего эмоциональный накал его сильно возрастает. Лишь нищий духом выпрашивает у судьбы счастье. С него, поэта, довольно. Для него не нашлось удачи, и искать ее он больше не

намерен. Второй темой этого стихотворения является тема любви. Она возникает впервые после длительного интервала: в четырех предшествующих стихотворениях поэт к ней не возвращался. Есенин снова обращается к образу персиянки Лалы: лишь она не обманула, лишь верность милой Лалы осталась для него в жизни. И на любовь Лалы, как на единственный исход, поэт указывает в заключительной строфе:

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

И, по-прежнему, образ персиянки Лалы никак не раскрывается, сохраняет условный характер.

Мы уже отмечали ранее три случая несовпадения хронологии написания стихотворений с расположением их в составе персидского цикла. Теперь нужно остановиться на этом особо.

Стихи, которые писал Есенин, были, как всегда, созвучны тому, что он чувствовал. Работа над персидскими стихами шла почти год. Они по мере возникновения не укладывались поэтому в сюжетную линию персидского цикла. И поэт должен был передвигать их, игнорируя датировку написания: либо задерживать, чтобы включить позднее, либо помещать впереди уже написанных стихотворений.

Первые шесть стихотворений, созданные им в Тифлисе и Батуме, избежали анахронизма: по мере их возникновения они точно укладывались в сюжетную канву. Два стихотворения, родиной которых стал Баку, уже не могли войти в цикл после тех, что были закончены в Москве. Сюжетная линия в этом случае неоправданно разрывалась. И поэт был вынужден поместить эти два стихотворения перед московскими.

Стихотворение «Голубая да веселая страна...», написанное в прошлый приезд в Баку, по той же причине пришлось отнести в конец цикла.

То же произошло со стихотворением «Глупое сердце, не бьется...». Оно не может идти вслед за одиннадцатым стихотворением: «Быть поэтом — это значит тоже...». Есенин ставит его в цикл четырнадцатым, наметив написать позднее два промежуточных стихотворения.

Они создаются им тут же, в ближайшие дни августа 1925 года. Сначала, в период с 6 по 8 августа, возможно, он пишет стихотворение «Руки милой — пара лебедей...», ставшее двенадцатым стихотворением цикла. В пятитомнике оно датируется 1925 годом. Не содержится каких-либо уточнений и в примечаниях (т. 3, стр. 237). Вместе с тем в «Собрании стихотворений» (т. I, стр. 299) оно имеет дату: «август 1925 г.». Опубликовано впервые в газете «Бакинский рабочий», № 179, от 10 августа 1925 года. Если бы оно было написано до 5 августа 1925 года, то было бы, естественно, опубликовано раньше, например, вместе с подборкой из двух стихотворений «Персидские мотивы» в той же газете за 7 августа 1925 года (см. примечание к стр. 63). Этому выводу в какой-то мере противоречит: 1) опубликование данного стихотворения одновременно со стихотворением «Голубая да веселая страна...», написанным 8 апреля 1925 года; 2) наличие в этом стихотворении перифраза поговорки «... если он не пишет, значит он не из Шираза», помещенной поэтом в письме от 8 апреля 1925 года, который мог возникнуть, скорее всего, в тот же период, когда писалось и письмо. Однако впредь, до появления контролирующих материалов, мы имеем возможность с полным основанием датировать стихотворение «Руки милой — пара лебедей...», как указано выше, 6... 8 августа 1925 года.

В ЦГАЛИ есть беловой автограф с незначительной авторской правкой *. Он не имеет даты.

Стихотворение «Руки милой — пара лебедей...» все целиком о любви. Поэт легко и свободно возвращается к этой теме и, следовательно, к образу персиянки Шаганэ. Он говорит:

Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Вновь зовет Есенин персиянку «милой Шагой». В стихотворении он совершенствует уже известный нам образ «лебяжьих рук». Теперь он говорит: «Руки милой — пара лебедей». Чтобы значение любви персиянки для него, поэта, стало яснее читателю, Есенин говорит, что стихи были бы «нежнее и чудесней», если бы не «сгубила пара лебедей».

В стихотворении мы найдем отголосок нового отношения Есенина к поездке в Персию. Она уже кажется ему не только не притягательной, но даже и не способной вдохновить на стихи лучшие, чем те, что он создал. Он теперь твердо знает, что «тегеранская луна не согреет песни теплотою». Это — завершение темы о поездке в Персию, начатой в пятом и продолженной в десятом стихотворениях цикла.

Затем поэт создает стихотворение «Отчего луна так светит тускло...», включенное в персидский цикл тринадцатым.

В ЦГАЛИ сохранились два автографа этого стихотворения: черновой и беловой.

Черновой автограф * написан простым черным карандашом на служебном бланке редактора газеты «Бакинский рабочий» размером 113×175 мм, вырванном из блокнота. Он не датирован. Автограф содержит пять вместо шести строф и несет следы тщательной работы поэта над строкой. Вторая строка первой строфы имеет запись: «отчего бледна и не шафранна», вместо окончательной: «на сады и стены Хороссана». Вторая строка пятой строфы найдена так: «Сердцу — песнь, а телу нужно тело» (вместо опубликованной: «Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело»). Словом, в черновом автографе канонический текст стихотворения еще не создан.

Беловой автограф ** содержит уже полный канонический текст стихотворения, имеет заголовок: «Персидский мотив» и подпись «Сергей Е.». Ниже — приписка поэта для редакции: «Без фамилии. Просто С. Е.». Чтобы написать беловой автограф, поэт должен был, следовательно, найти окончательный текст двух строк, о которых мы говорили выше, и шестой строфы в целом. На это нужно было время. Кроме того, записан беловой автограф красны-

ми чернилами, с резким нажимом пера, на двух экземплярах такого же точно служебного бланка, что был использован и для записи чернового автографа. Оба листа (сложенные вместе) одновременно были разорваны на четыре части, затем, позднее, наклеены на листы чистой бумаги. В ЦГАЛИ есть автограф стихотворения «Море голосов воробьиных...» *. Автограф этот написан на аналогичном служебном бланке и тоже красными чернилами. Но оттенок цвета их другой. И запись — спокойная, ровная. Мы можем, следовательно, отметить, что беловая запись стихотворения «Отчего луна так светит тускло...» была сделана не одновременно с этим стихотворением, а позднее: на это указывают состоявшаяся публикация, иной оттенок чернил и другой почерк при записи стихотворения «Море голосов воробьиных...».

В первом томе «Собрания стихотворений» (1926—1927), подготовленном с участием Есенина и Толстой, стихотворение «Отчего луна так светит тускло...» имеет дату: «Август 1925 г.». Опубликовано оно было впервые лишь 14 августа 1925 года в газете «Бакинский рабочий», № 183. В предыдущие публикации «Персидских мотивов» в той же газете оно войти не могло оттого, по-видимому, что было еще не готово. Следовательно, оно записано было окончательно в Мардакянах лишь 10—12 августа 1925 года. Такая датировка и принимается нами для стихотворения «Отчего луна так светит тускло...».

По сюжету своему оно является промежуточным звеном любовной линии персидского цикла. Поэт обращается к кипарисам и цветам с вопросом: «Отчего луна так светит тускло?» Не получает от них ответа и горько жалуется о том персиянке Лале. Лишь роза рассказывает поэту об измене Шаганэ, и он заключает:

Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Есенин и Тальян расстались в феврале 1925 года в самых теплых и дружеских отношениях. С тех пор они не виделись. Автобиографического содержания в стихотворении, следовательно, нет. Отсюда следует, что эпизод с изменой Шаганэ был придуман поэ-

том для завершения романа с персиянкой. Так требовала сюжетная линия цикла. В предыдущем стихотворении «Руки милой — пара лебедей...» поэт, развивая эту линию, спрашивает:

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

Теперь мы знаем, что он избирает иной, конфликтный вариант: измену персиянки Шаганэ.

Получает, наконец, конкретное выражение в цикле и роль, предоставленная персиянке Лале. Она — действующее лицо (резонер), через посредство которого поэт выражает свое отношение к персиянке Шаганэ.

Грустная в целом тональность стихотворения получает оптимистическую окраску в последней переломной строфе:

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет,
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Это изменение тональности от минорной к мажорной гамме характерно для всех стихотворений персидского цикла, написанных в Баку.

Если учесть стихотворение «Море голосов воробьиных...» *, к которому мы вернемся ниже, Есенин написал 16 персидских стихотворений. Мечта о цикле в 20 стихотворений осталась неосуществленной. До конца жизни Есенин к «Персидским мотивам» более не возвращался.

Как же шла жизнь Есенина на даче у Чагина? Последний пишет, что «жил Сергей Александрович на этой даче, говоря его же словами, «как некий хан». Более полное и конкретное впечатление об этом периоде мы получаем из воспоминаний К. Э. Чагиной: «Петр Иванович,— пишет она,— днем работал, приезжал на дачу

только к вечеру. А мы с Толстой развлекали Сергея Александровича, отвлекали его от кутежей. Он очень любил сидеть наверху описанного мной ранее бассейна или лежал на ковре и мечтал, а зачастую писал стихи, а потом читал их нам. Часто его приглашали в близлежащие дома отдыха почитать стихи, и он никому не отказывал, охотно шел, читал, беседовал с людьми. Были также на даче теннисная и крокетная площадки, где тоже охотно Сергей Александрович коротал время. Ездили и на пляж. Вечерами собирались дачники в комнате, где стояло пианино. Софья Андреевна играла — пели, танцевали,— и, конечно, опять Сергей Александрович читал стихи...

В конце августа* Есенин с Толстой уехали в Москву. Прощаясь, мы, конечно, не думали, что больше не увидимся с ним, что через некоторое время поэта не станет» **.

6 сентября 1925 года они вернулись в Москву.

В сентябре — ноябре 1925 года Есенин и Толстая вместе готовили к печати «Собрание стихотворений» в трех томах. В этот период Есениным был определен окончательный объем персидского цикла в 15 стихотворений и установлен порядок расположения последних в пределах цикла, ставший каноническим. При этом стихотворение «Море голосов воробьиных...» из цикла было исключено, а в стихотворении «Золото текучее луны...» слово «текучее» было заменено на «холодное».

* * *

Волнение, которое мы испытываем при знакомстве с есенинской поэзией, при чтении персидских стихов поэта достигает своей кульминации.

Интонации этого цикла замечательны чистотой содержания и совершенством формы, с пленительной свежестью и простотой выражают красоту чувств людей. Восточная мозаика, вносимая поэтом с неизменным тактом и привлекательностью, создает иллюзию Персии и будит добрый отклик. Она вплетается в строфу, как вливаются в музыкальную фразу неведомые непосвященному, но глубоко трогающие сердце звуки. Она полна самоцветами, которые сияют для каждого так, как ему доступно.

Однако персидская тональность не изменяет самобытное содержание есенинской лирики. Название цикла является лишь отзвуком увлечения поэта Персией, в которую он пытался выехать много раз.

В персидских стихах есть и горькая интонация. Но в целом они оптимистичны, в них бьет ключом радость жизни.

Стихи читают на концертах. Они переложены на музыку. Слова их афористичны, стали крылатыми.

Если бы Есенин не написал ничего другого, то и персидского цикла было бы достаточно, чтобы обессмертить имя поэта.

Читатель прошел за поэтом всюду, где создавался персидский цикл стихотворений.

Жизнь Есенина — в его лирике. «Что касается остальных автобиографических сведений,— писал он в октябре 1925 года,— они в моих стихах». И в «Персидских мотивах», несмотря на их тематическую обособленность и восточную тональность, есть, как мы установили, страницы реальной жизни поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 7 * К семи классикам персидской поэзии Гёте относил: Фирдоуси, Низами, Энвери, Руми, Саади, Хафиза и Джами.

Стр. 9 * По пути из Кисловодска в Баку, в августе 1920 года, С. А. Есенин написал Е. И. Лившиц: «Я здесь второй раз в этих местах». О первой поездке поэта в Баку других сведений нет.

** Так назывался город Батуми Аджарской АССР в 1920—1925 годах. При обращении к событиям этого периода времени за городом сохраняется его старое название.

*** М. И. Таубер. Воспоминания. 15 марта 1964 г. Машинопись авторизованная. Хранится у автора книги.

Стр. 11 * А. И. Гербстман. О Сергее Есенине. 2 марта 1965 г. Машинопись авторизованная. Хранится у автора книги.

Стр. 17 * В «Собрании сочинений в пяти томах» оба стихотворения датируются осенью 1924 года по автографу (ЦГАЛИ), где «дата проставлена рукой Г. А. Бениславской» (т. 3, стр. 233, 234). Однако если дату проставила и Бениславская, в задачу последней вовсе не входило исследование вопроса о датировке стихотворений Есенина.

Стр. 21 * Газета «Трудовой Батум», № 280, от 10 декабря 1924 года. Публикация найдена автором в августе 1959 года.

** Четыре стихотворения: «Улеглась моя была рана...», «Я спросил сегодня у менялы...», «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», «Ты сказала, что Саади...» — Бениславская поместила в журнале «Красная новь» № 2 за 1925 год.

Стр. 22 * 1 января 1925 года газета «Бакинский рабочий» вышла с двумя стихотворениями — «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», «Ты

сказала, что Саади...» под общим заголовком «Персидские мотивы». Под публикацией стоит дата: «Батум, декабрь 1924 г.».

Стр. 25 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. 5. В пятитомнике неправильно указывается (со ссылкой на ЦГАЛИ), что автограф датирован «19.XII. 1924 г.» (см. т. 3, стр. 234). Под рукописью нет даты.

** В. И. Качалов. Встречи с Есениным.— Журн. «Красная нива», М., 1928, № 2, стр. 18—19.

*** Л. О. Повицкий. Сергей Есенин.— Машинопись, 1954, ГБЛ, ф. 218/478—15.

Стр. 26 * По результатам розысков автора книги Л. О. Повицкий исправил в 1959 году текст своих воспоминаний.

Стр. 28 * Ш. Н. Тальян. Письмо автору от 29 января 1959 года. По сообщению Ш. Н. Тальян, рукописи стихотворений «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и «Ты сказала, что Саади...» утрачены.

Стр. 29 * Ереванский литературовед Л. Мкртчян, к которому Ш. Н. Тальян обратилась в начале 1959 года с просьбой посодействовать в изготовлении фотокопии автографа Есенина для отправки автору этих строк, опубликовал автограф 15 февраля 1959 года в ереванской газете «Коммунист». 11 марта 1959 года публикацию автографа повторил тбилисский литератор Г. Бебутов (газета «Вечерний Тбилиси»). В Ереване и Тбилиси более тридцати лет знали о Ш. Н. Тальян, но никто до 1958 года не занимался выяснением ее роли в творчестве Есенина.

** Асканаз Мравян, член РКП(б) с 1905 г., был в 1920 году членом Кавказского краевого комитета РКП(б) и членом Армянского комитета РКП(б) — Арменкома.

*** Охранка дашнакской Армении.

Стр. 31 * Д. Тер-Симонян — член Армянского комитета РКП(б).

** Д. Шавердян — член Арменкома РКП(б).

Стр. 33 * Ш. Н. Тальян. Письмо автору от 18 ноября 1966 года.

Стр. 34 * Ш. Н. Тальян проработала учительницей нулевой группы армянской школы в Батуме с сентября 1924 г. по сентябрь 1925 г. «В нулевой группе,— написала она,— преподавали те же предметы, что и сейчас в первом классе нынешних школ». Комментарий пятитомника о том, что Тальян была «в те годы преподавательницей литературы» (т. 3, стр. 234), не соответствует действительности.

Стр. 38 * Дата написания указана Есениным в автографе (ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 35).

Стр. 41 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. 3—4. Рукопись начинается со строки «Свет вечерний шафранного края». Ссылаясь на этот автограф, редакция «Собрания сочинений в пяти томах» (1961—1962) заменила начальную строку в стихотворении «Свет шафранный вечернего края...» на «Свет вечерний шафранного края» (т. 3, стр. 235). Однако существует рукопись и со строкой «Свет шафранный вечернего края» (см. стр. 41—42). При жизни Есенина стихотворение печаталось только с этой строкой. Текст стихотворения остался неизменным и в «Собрании стихотворений» (1926—1927), подготовка которого шла, как известно, с участием поэта. Воля Есенина в отношении окончательного текста стихотворения очевидна. Поэтому в настоящей работе сохранена строка «Свет шафранный вечернего края».

Стр. 42 * А. В. Хосроев. Воспоминания. Тифлис. 13 августа 1959 года. Запись автора.

** В «Собрании стихотворений» (1926—1927) текст стихотворения «Свет шафранный вечернего края...» датирован 1924 годом (т. I, стр. 287), в «Собрании сочинений» (1961—1962)—1925 годом (т. 3, стр. 17).

Стр. 43 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 35.

Стр. 44 * Ш. Н. Тальян. Письмо автору. 21 мая 1965 года.

** Редакция журнала «Красная новь» поэму не авансировала. Это видно из следующих телеграмм Есенина, посланных Бениславской: «Деньги не пришли жду шлите телеграфом=Есенин». Далее: «Я озлоблен почему нет ответа Батум не пишите уезжаю Персию адрес Баку=Есенин». И затем, Е. А. Есениной: «Ты думаешь или

нет я сижу без денег». 21 февраля 1925 года Есенин на пути в Москву телеграфировал Бениславской: «Персия прогорела все Москве Лившиц Чагин шлите немедленно на дорогу я Тифлисе нужно к среде везу много поэм».

Стр. 46 * 3 апреля газета «Бакинский рабочий», № 74, вышла со стихотворениями: 1. «В Хороссане есть такие двери...»; 2. «Голубая родина Фирдуси...», под общим заголовком «Персидские мотивы». Под публикацией стоит дата: «Март. 25 год».

** Напечатаны в журнале «Красная новь», М., 1925, № 3, апрель.

*** Редакцией «Собрания сочинений в пяти томах» (1961—1962) принята датировка газеты «Бакинский рабочий»: март 1925 года (т. 3, стр. 236). Место создания стихотворений не указано.

Стр. 50 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. л. 6, 7.

Стр. 51 * Г. А. Бениславская. Воспоминания о Есенине С. А. — ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 122.

Стр. 55 * К. Э. Чагина. Письмо автору от 12 декабря 1966 года.

Стр. 56 * Н. Вержбицкий относит эту часть воспоминаний А. К. Воронского к лету 1925 года. Все, что рассказывает Воронский о пропаже пальто и о болезненном состоянии Есенина, соответствует содержанию письма поэта к Бениславской от 8 апреля 1925 года (т. 5, стр. 204), следовательно, относится к периоду 28 марта — 7 апреля 1925 года. Более ранний, чем обычно, выезд на дачу в 1925 году подтверждает и К. Э. Чагина (см. стр. 62).

Стр. 57 * Первая публикация в газете «Бакинский рабочий» № 179 за 10 августа 1925 года, с посвящением: «Гелии Николаевне Чагиной».

**ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. 12.

Стр. 58 * Р. П. Чагина. Письмо автору от 13 января 1967 года.

Стр. 59 * Точная дата выхода в свет книги «Персидские мотивы» не известна. В «Книжной летописи» № 15 за август 1925 года книга числится среди поступлений с 1 по 22 июля. По свидетельству

В. Наседкина, она вышла в мае. В «Литературной хронике» выход издания из печати датируется маем-июлем 1925 года.

** Так называлась книга «Персидские мотивы» в период подготовки ее к изданию.

*** Так было названо стихотворение «В Хороссане есть такие двери...». Автограф с таким заголовком не найден.

**** Автограф с такой редакцией не найден.

Стр. 62 * К. Э. Чагина. Письмо автору от 12 декабря 1966 года.

Стр. 63 * В пятитомнике (1961—1962, т. 3, стр. 27, 33) стихотворения датированы 1925 годом. Между тем в 1-м томе «Собрания стихотворений» (1926), подготовленном с участием поэта, под стихотворениями стоит дата: «Август 1925 г.». Оба стихотворения были опубликованы впервые в газете «Бакинский рабочий» № 177 от 7 августа 1925 года. Из этого следует, что они были написаны 1... 5 августа 1925 года в Баку.

Стр. 65 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 52.

Стр. 66 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. 9.

** ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. 10, 11.

Стр. 67 * ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 34, л. 8.

Стр. 68 * Опубликовано 10 августа 1925 года в газете «Бакинский рабочий», № 179, первым в подборке из трех стихотворений под общим заголовком «Персидские мотивы».

Стр. 69 * Есенин выехал в Москву в начале сентября 1925 года.

** К. Э. Чагина. Письмо автору от 12 декабря 1966 года.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Саади Ш. Гюлистан. М., 1882. Перевод И. Холмогорова с персидского подлинника.

Гете И. Западно-Восточный диван.— Гербель Н. Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей. СПБ, 1892, т. I.

Величко В. Второй сборник стихотворений. СПБ, 1894, изд. А. С. Суворина.

Уманец С. Из Омар-Хаяма.— Журн. «Кавказский вестник», Тифлис, 1901, № 4, апрель.

Гейне Г. Поэт Фирдуси.— Полное собрание сочинений Генриха Гейне. СПБ, 1904, изд. А. Ф. Маркса.

Умов И. Омар Хейям.— Журн. «Русская мысль», М., 1911, № 8, август.

Фет А. Из Гафиза.— Полное собрание сочинений. СПБ, 1912, изд. А. Ф. Маркса.

Фирдуси А. Книга о царях. Выпуск 1, М., 1905. Перевод С. И. Соколова с персидского подлинника.

Фирдовсий. Книга царей. Выпуск 2, М., 1915. Перевод С. И. Соколова с персидского подлинника.

Персидские лирики. Памятники мировой литературы. Переводы Ф. Е. Корша и И. П. Умова, под редакцией и со вступительной статьей А. Е. Крымского. М., 1916, изд. «Памятники мировой литературы».

Саади Ш. Гулистан. Берлин, 1922. Перевод Е. Бертельса.

Фитцджеральд Э. Омар Хаям. М., 1922, изд. «Берег». Перевод с английского и вступительная статья О. Румера.

Воронский А. Памяти Есенина.— Журн. «Красная новь», М., 1926, № 2, февраль.

Розанов И. Есенин о себе и других. М., 1926, изд. «Никитинские субботники».

Сергей Есенин. Собрание стихотворений. М.—Л., 1926, ГИЗ, т. I.

Наседкин В. Последний год Есенина, М., 1927, изд. «Никитинские субботники».

Мариенгоф А. Роман без вранья. М., 1927, изд. «Прибой».

Чагин П. Живой могучий чародей поэзии.— Газета «Приокская правда», Рязань, 1958, № 118, 15 июня.

Белоусов В. Сергей Есенин в Батуми.— Газета «Батумский рабочий», 1959, № 3, 4 января.

Вержбицкий Н. Встречи с Есениным. Тифлис, 1961, изд. «Заря Востока».

Сергей Есенин. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1962, ГИХЛ, тт. 3, 5.

Вайнштейн М. О времени и месте создания «Персидских мотивов» С. А. Есенина.— Журн. «Научные доклады высшей школы». Филологические науки, М., 1962, № 2, февраль.

Белоусов В. Героиня есенинских строк.— Журн. «Дон», Ростов-на-Дону, 1964, № 11, ноябрь.

Белоусов В. Кто была Шаганэ? — «Учительская газета», М., 1965, № 79, 3 июля.

Белоусов В. Шаганэ.— Журн. «Нива», М., 1965, № 9, сентябрь.

Белоусов В. Кто она, Шаганэ? — Газета «Советская Россия», М., 1965, № 233, 2 октября.

Белоусов В. Встречи с Шаганэ.— Газета «Ленинская правда», Чарджоу, 1965, № 118, 2 октября, № 120, 7 октября.

Белоусов В. Сергей Есенин. М., 1965, изд. «Знание».

Терехова Г. В поисках Шаганэ.— Газета «Советская культура», М., 1967, № 12, 28 января.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мечта поэта	3
В пути	3
Мекка классической лирики	5
Начало персидского цикла	12
Батумская зима	19
«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»	19
Розыски	26
Героиня есенинских строк	32
Еще персидские стихи	38
Снова в столице	46
На земле бакинской	52
В гостях у Чагина	52
На ханской даче	62
Примечания	71
Хронологический указатель	76

Владимир Германович Белоусов

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

Редактор *Н. Огородникова*
Художественный редактор *Т. Добровольнова*
Технический редактор *А. Ковалевская*
Корректор *С. Ткаченко*

А 12658. Сдано в набор 15/IX 1967 г. Подписано к печати 2/XI 1967 г. Формат бумаги 70×108/32. Бумага типографская № 2. Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,50. Условн. печ. л. 3,50. Уч.-изд. л. 3,87. Тираж 200 000. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 3258. Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 12 коп.

ИДЕТ ПОДПИСКА!
НА 1968 ГОД!

Серия научно-популярных брошюр

ФАКУЛЬТЕТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Индекс 70060

Знакомит подписчиков с наиболее значительными явлениями в области советской литературы и искусства, с различными направлениями искусства и литературы Запада, с исследованиями в области русского языка и т. д.

В 1968 году выйдет 12 книг и брошюр. В их числе:

Советская музыка сегодня; Современный русский язык; Образы танца; Искусство эстрады; Буржуазная эстетика сегодня.

Книги и брошюры факультета литературы и искусства написаны просто и доступно, они рассчитаны на всех, кого не оставляет равнодушным интересная книга, хороший спектакль или фильм.

Подписная цена на год — 1 руб. 80 коп.

Серия помещается в каталоге «Союзпечати» в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание».

Издательство «Знание»

В хорошее есть такие двери
[illegible]
[illegible] где обсыпан розами порог
[illegible]
Там живет задумчивая пери
[illegible]
В хорошее есть такие двери
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках не мало силы
В волосах есть золото и медь
Голос пери нежный и красивый
У меня в руках не мало силы
Но дверей не смог я отпереть

Ни к чему в любви моей отвага
И зачем кому мне песни петь
Если стала не девица, шага
Ни к чему в любви моей отвага
И коль дверь не смог я отпереть

Мне пора обратно ехать в Русь
[illegible]
Персия тебя ли покидаю
Но всегда ль с тобой расстаюсь
Из любви к родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Русь

Досвиданье пери — досвиданья
[illegible]
[illegible]
Пусть не смог я двери отпереть
Ты дала красивое страданье
Про тебя на родине мне петь
До свиданья пери до свиданья

С. Есенин

12 коп.

Персидский Мотив

Отчего луна так светит тускло
Но сады и стены Хороссана.
Словно я хожу равниной Русской
Под шуршащим пологом тумана

Так спросил я, дорогая Лалаи
У молчащих ночью кипарисов
Но их рать ни слова не сказала
К ногу гордо головы завысив.

Отчего луна так светит грустно
У цветов спросил я в тихой чаще
И цветы сказали: ты почувствуй
Но печали розы шелестящей

Лепестками роза расплескалась
Лепестками тайно мне сказала
Шаганэ твоя с другим ласкала.
Шаганэ другого целовала.

ЗНАНИЕ